

Александр Якубович

ПРОЕКТ «ОКО»

Александр Якубович

Проект «Око»

«Издательские решения»

Якубович А. В.

Проект «Око» / А. В. Якубович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837094-6

Конец двадцать первого столетия. Опасность ядерной войны давно миновала. Тотальные засухи привели к голоду и почти полному вымиранию человечества. Пока никому ненужное ядерное оружие тихо гниет в пусковых шахтах по всему миру, власть захватили военные — единственные, кто смог установить хоть какое-то подобие порядка. В надежде подавить сопротивление недовольных новым мироустройством, подконтрольные правительству ученые создают оружие, принципиально отличающееся от всего придуманного ранее.

ISBN 978-5-44-837094-6

© Якубович А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
* * *	18
Глава 3	24
Глава 4	32
День 990	41
Глава 5	42
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Проект «Око»

Александр Владимирович Якубович

© Александр Владимирович Якубович, 2017

Автор фото обложки Александра Вольф

ISBN 978-5-4483-7094-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он был в лесу. Обычном лесу средней полосы, где обитает вполне привычная живность и встретить кого-то опаснее ужа проблематично. Вдыхая свежий воздух с запахом хвои и мха, он двинулся дальше, прочь с опушки, в глубь лесного массива. Он чувствовал единение с лесом: его не хотелось покидать, не хотелось оставлять это огромное живое дышащее существо.

Вот тут, казалось, именно за этим деревом, он делал первые шаги. Чуть дальше школа, а после – военная академия. Пройдя дальше тропами памяти леса, можно было встретить все памятные моменты собственной жизни. Вот первые свидания, тут – уходы в самоволку и шуточный трибунал в кабинете ректора. Первая военная часть, первая любовь, первая серьезная покупка. Лес – олицетворение всей его жизни, сжатый в тугую спираль маленькой опушки, – сейчас раскручивался с умопомрачительной скоростью, вскрывая все новые и новые подробности и детали жизни, которые хранились на задворках памяти.

Он коснулся рукой одного из старых сосновых стволов. Это его боевой товарищ. Следующий – старый пес... Идя от дерева к дереву, он улыбался и, соприкасаясь со своим прошлым, чаще радовался встрече, чем хмурился. Не было тяжести тревог, не было уже привычного гнетущего состояния неизбежно наступающей беды. Только покой.

Чем дальше от опушки продвигался он в чащу леса, тем сильнее накатывали воспоминания. Вот старая корявая сосна, уходящая в небо выше других, казалось, презиравая все законы физики, грозно возвышалась над прочими деревьями.

Сухой, мертвый ствол.

– Привет, отец. Давно не виделись.

Дерево ему не ответило. Он коснулся лбом гладкой древесины, с которой уже давно отвалилась кора. Замерев в такой позе на некоторое время, он погрузился в воспоминания о своем старике. Разбитые трудом руки, сухая фигура, всегда прямая, но усталая осанка и характер под стать внешности – жесткий и сухой. И яркий, светящийся умом, но от этого еще более тяжелый взгляд. Странный человек с заурядной судьбой, как и многие до него. Как и многие после.

Он почувствовал резь в глазах и вытер рукавом вырвавшуюся слезу. Но это были не эмоции, не тоска по прошлому.

Это горел лес.

Пожар будто поглощал его воспоминания – то, что составляло его личность. Огонь был уже повсюду, взяв его в плотное кольцо, отрезал все пути к отступлению. Жар стал обжигать кожу и легкие, было нечем дышать. Он слышал крик леса сквозь свой собственный, крик живого существа.

– Пульс? – голос шел из ниоткуда.

– Сто двадцать.

– А что с давлением?

– Сто сорок на сто.

– Хорошо. Приготовить стерильный инструмент, только сердце не остановите. И ктонибудь приведите его уже в сознание. И так слишком много материала запорол.

– Давление в норме.

Он не понимал, откуда идут голоса. Казалось, источник звука находится прямо за его спиной, но, оглянувшись, он увидел только горящий лес.

– Объект 84 пришел в себя.

«Объект?» – вопросы множились, ответов не было.

– Продолжаем, – сказал главный.

Он открыл глаза. Больничный кафель, несколько пар ног в бахилах в зоне видимости и полная неспособность двигаться.

И тут к нему вернулись чувства.

Боль. Он чувствовал ее каждой клеткой своего тела, каждым нервом. Боль сводила с ума, но все, что он мог, это двигать глазами. Даже моргнуть не получалось. Вот что было тем пожаром – боль.

«Пожалуйста, дайте мне умереть! Дайте умереть! Дайте умереть!» – только эта мысль сейчас билась в голове Объекта 84. «Умереть! Пожалуйста! Дайте умереть! Не надо, хватит!»

Нет боли сильнее душевной, говорили люди, но то, что сейчас испытывал он, было не просто болью. Это была ее высшая степень, ее квинтэссенция, ее абсолют. Боль стала им, а он стал ею – ничтожным куском мяса на столе, который молил о смерти. Но, судя разговорам, обрывки которых долетали до его агонизирующего сознания, убийство в планы его палачей не входило. Жаль.

Невероятным усилием воли он снова попытался ускользнуть в чашу, созданную его мозгом, в надежде сохранить остатки рассудка.

– Теряет сознание, – сказал еще кто-то.

– Давление?

«А это опять главный», – подумал он и провалился в небытие.

* * *

Пытка на столе продолжалась целую вечность. Секунды растягивались в дни, и Объекту 84 казалось, что он вотвот умрет. Еще четыре раза он был на грани, но раз за разом его возвращали назад, в объятия боли.

Боль стала его заклятым другом, спутником. И наказанием. Боль поглотила все прочие чувства, стала основой его существования. Спустя время он стал даже различать ее оттенки.

Почему его держат в сознании? Почему он не может двигаться, но все чувствует? Зачем?

– Подключайте последнюю контактную площадку и прозванивайте, – сказал голос главного палача.

Самих мучителей видно не было, только их ноги, снующие вокруг стола, на котором лежал Объект 84.

– Готово, – отчитался кто-то.

– Начинайте прозвон, и выходим на финишную прямую, – голос главного казался довольным, насколько сейчас Объект 84 мог судить о чужих эмоциях.

– Запускаю проверку.

Щелчок.

От очередной вспышки боли он ослеп. Он видел только белый свет, иначе передать то, что происходило с телом, мозг был не в состоянии. Просто белый свет как олицетворение всех оттенков боли в одном.

– Пульс сто пятьдесят и давление повышается.

– Стабилизируйте!

Очередная вспышка – с ним что-то делали. А потом он погрузился во тьму, освещаемую редкими цветными пятнами. Мозг не мог справиться с нагрузкой и обработать хотя бы часть того, что сообщала ему нервная система организма.

– Синхронизация завершена с результатом девяносто семь целых и три десятых процента, – это был кто-то новый.

– А вот и наш чемпион! Астрея будет удивлена своим новым статусом введомой, – голос главного выражал просто безграничную радость.

– Подключайте модуль и зашивайте, мы закончили.

Объект 84 увидел, как одна из пар ног отошла от стола, на котором он лежал, и скрылась из поля зрения.

* * *

– Доброе утро, Объект 84, – голос звучал будто бы издали, но был знаком. Главный. – Меня зовут доктор Ивор. Рад, что вы живы.

Он попытался что-нибудь сказать в ответ, что-нибудь колкое, едкое, но получились только хрипы.

– Спокойнее, – сказал Ивор. – Вы подключены к аппарату искусственной вентиляции легких. К сожалению, вы пока не можете даже дышать самостоятельно, о движении или разговоре тем более речи не идет. Давайте вы полежите спокойно, а я частично введу вас в курс дела.

Объект 84 внимательно посмотрел на человека, который представился как доктор Ивор. Широкие плечи, массивные руки, небольшая лысина, которую Ивор старательно прятал за стрижкой под ноль. Внимательные, близко посаженные глаза наблюдали за ним, но враждебности во взгляде не было. Любопытство, спокойствие и немного отвращения. Учитывая тот факт, что он командовал процедурой, результат которой теперь приковал Объекта 84 к постели, увидеть последнее было странно, но от этих размышлений отвращение во взгляде врача никуда не делось.

Ивор где-то в глубине души презирал то, что создал.

– Вы находитесь в закрытом исследовательском институте, Объект 84. Спектр наших исследований весьма широк, и вам посчастливилось стать участником одного из них. Попрошу заметить, мы не принуждали вас, – врач общался с ним подчеркнуто вежливо, – к чему-либо, и на все вы пошли почти добровольно, завещав свое тело после смерти или при получении травм, несовместимых с жизнью, науке. Поэтому вы здесь.

Ивор отошел от края кровати к стене и сел на стоявший там стул.

– Вам выпал уникальный шанс, Объект 84.

Человек, или то, что от него осталось, то, что все упорно называли не именем, а Объектом 84, попытался опять заговорить с Ивором. У него было много вопросов, но он мог только слабо хрипеть.

– Тише, тише, я же говорил, что вы на искусственной вентиляции, пока не научитесь заново дышать. А также ходить, говорить и связно думать, – сказал Ивор.

Происходящее казалось либо плохой шуткой, либо очень хорошим розыгрышем, но Ивор был подозрительно для шуток или розыгрыша серьезен.

– Я понимаю ваше состояние, однако, поверьте, я желаю вам только самого лучшего. Вы обязательно поправитесь и вернетесь к полноценному функционированию и даже больше. Этого хотят все в этом здании и многие за его пределами, – продолжил врач.

Ивор сложил руки на груди крестнакрест, внимательно наблюдая за реакцией подопечного.

– С вами проведут интенсивный курс специальной терапии и процедур, чтобы вы как можно быстрее встали на ноги, – продолжил он и встал со стула. – Пока же не смею нарушать ваш покой, отдыхайте.

Объект 84 попытался встать с кровати, но тело не слушалось. Руки беспорядочно бились из стороны в сторону, сдерживаемые ремнями на запястьях. Та же ситуация была и с ногами.

Ивор посмотрел на Объекта 84, нахмурился и, думая о чем-то, открыл дверь.

– Сестра! У Объекта 84 начались судороги. И проследите, чтобы до завтрашнего вечера его не беспокоили, – доктор был очень серьезен, – ему необходимо смириться с произошедшим.

После того как сестра скрылась в недрах коридора, Ивор развернулся к своему детищу, которое все еще билось в судорогах на кровати, и сказал:

– Мы обязательно подружимся, вот увидите.

Он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Через несколько минут пришла медсестра в сопровождении нескольких крепких санитаров.

– Держите его, а то сломаю иглу.

Объект 84 не хотел отключаться; единственным, что двигало им сейчас, была ярость. Он хотел встать с этой кровати, хотел, чтобы его тело вновь принадлежало ему. Он хотел вырвать глотку этому ублюдку, Ивору, который пытал его на операционном столе, держа в сознании, пока он не мог пошевелить даже пальцем. Объект 84 жаждал крови.

Лекарство подействовало быстро, судороги прекратились. Единственное, что было доступно ему сейчас, – матовый свет ламп, которые занимали весь потолок, и воспоминания о сгоревшем лесе его подсознания.

* * *

Уснув и попав в чертоги своего выжженного разума, он вновь мог управлять своим телом, пусть и вымышленным. Он снова мог ходить.

Насколько хватало глаз, вокруг была выжженная огнем пустошь. Обгоревшие стволы деревьев, будто гнилые зубы, торчали из земли, а солнце закрывала дымка, оставшаяся после пожара. Коегде еще тлели угли, но в целом огненный шторм, который предшествовал его первому воспоминанию на операционном столе, стих. Не осталось ничего.

Он двинулся по пустыне своей памяти, бессердечно выжженной в ходе операции. Одно из деревьев показалось ему знакомым. Старое, кривое, оно возвышалось позорным столбом посреди пустоши и будто бы хотело ему что-то сказать. Объект 84 – пусть его теперь зовут так – подошел и коснулся старого обгоревшего ствола, с которого, судя по всему, еще до пожара слезла кора.

Ничего. Мертвое дерево молчало и все так же оставалось просто деревом.

Он что-то услышал. Обернувшись, Объект 84 нос в нос столкнулся с трупом. Он стоял прямо перед ним, против всех законов природы и здравого смысла. Обгоревший местами до костей. Труп. Черты разобрать было невозможно: глаза от жара лопнули и вытекли, от губ и щек ничего не осталось. На том месте, где у этого бедолаги было лицо, будто застыла вечная улыбка. Так могла бы улыбаться Смерть, имей она физическое воплощение.

В попытке сделать шаг назад Объект 84 пошатнулся и упал, споткнувшись о корень старого дерева за спиной.

– Чего тебе?! – Тут он мог говорить. – Кто ты такой?! Что тебе нужно?!

– Что мне нужно? – обгоревшая челюсть трупа пришла в движение, имитируя речь, что было невозможно, потому что на месте гортани зияла дыра, в которую был виден позвоночный столб. – Да вроде ничего такого.

Объект 84 все так же сидел на земле и пялился на плод своего воспаленного сознания.

– Тогда зачем ты пришел? – спросил он.

– Зачем? – повторил следом труп, делая шаг в его сторону. – Я пришел сказать, что тебе, куску дерьма, пора просыпаться.

Как только труп закончил говорить, Объект 84 получил мощный хук слева в челюсть.

* * *

Его встретил все тот же потолок и матовый, мягкий свет ламп. Он все так же не чувствовал своего тела, хотя его руки иногда непроизвольно дергались, а ладони сжимались в кулаки и снова разжимались.

«Это не сон, – с сожалением подумал Объект 84, – а было бы неплохо проснуться еще разок».

Пока парализованный и неспособный двигаться подопытный изучал взглядом потолок, двое в соседней комнате жарко спорили.

– Вы вообще понимаете, что значит девяносто семь целых и три десятых процента синхронизации с базой Ока? Чем вы вообще думали, когда утвердили подобную цифру во время операции? – сказала женщина лет тридцати, которая нервно ходила по комнате, пока говорила, и изредка, будто вспоминая, что участвует в театральной постановке, размахивала руками. – Девяносто семь и три! Надо было опустить хотя бы до уровня восьмидесяти целых и четырех десятых процента, чтобы Астрея могла уверенно оставаться на позиции ведущей. А что теперь? – женщина резко остановилась и повернулась на носках к своему собеседнику лицом.

– Тише, Анна, тише, – сказал доктор Ивор.

Он наблюдал этот ритуал метания по кабинету уже не первый десяток раз. После каждой неудачной операции, когда мозг или сердце очередного объекта не выдерживали, или при любой заминке в подготовке Астреи и Адикии Анна начинала метаться перед ним, словно пойманный в клетку зверь. И каждый раз все заканчивалось одинаково: она останавливалась прямо перед ним, резко разворачивалась на носках черных туфелек и обдавала Ивора цветочным ароматом своих волос.

Он внимательно посмотрел в глаза своей помощницы. Слегка раскосые, серые, они смотрели на Ивора пристально снизу вверх; пять сантиметров каблука не меняли того, что Ивор, хирург по своей основной профессии, а после уже – нейробиолог, был почти на две головы выше и в несколько раз крупнее миниатюрной шатенки. Слегка пухловатые губы поджаты, дыхание глубокое, а тонкие пальцы сжаты в маленькие грозные кулачки. Комуто могло показаться это очень милым и даже сексуальным, но Ивор знал: Анна в бешенстве.

– Доктор Прайс, я не мог допустить, чтобы столь высокие показатели были искусственно занижены. Это уникальный экземпляр, лучшее, что мы когда-либо делали, – сказал Ивор.

– То есть вы хотите сказать, что искусственно занижать показатели Адикии – это нормально, а с Объектом 84 допустить такого вы не могли? – ответила Анна.

Ивор, закрыв глаза, устало потер переносицу. Анна никуда не делась и все так же стояла перед ним в своей самой воинственной позе, на которую была способна.

– Пойми, для Адикии и Астреи были предопределены их роли. Я не мог допустить, чтобы в этом тандеме Адикия была ведущей, она не способна принимать нужные нам решения в стрессовых ситуациях, – сказал Ивор.

– Ты считаешь, – Анна злилась на него все сильнее и сильнее с каждой секундой, – ты считаешь, что психопат с выжженными мозгами будет способен принимать правильные решения за троих?

– Ты говоришь о понижении уровня синхронизации на семнадцать процентов! – повысил голос Ивор. – Ты сама делала расчеты эффективного уровня для нашего проекта! Сколько сотен часов я отстоял за хирургическим столом, чтобы после отправить в операторы плоды своего труда только потому, что эти объекты не дотянули пары процентов, а то и десятых процента до порога в семьдесят шесть и четыре десятых процента? – Ивор начал закипать. – Или напомнить тебе об Объекте 43? Помнишь, как я умолял тебя дать нам шанс испытать его? Помнишь, сколько ему не хватило? Напомнить?

Анна отошла на шаг от наседающего на нее хирурга. Лицо Ивора полыхало, а на лысине выступили пару капелек пота. Анна добила совершенно не того эффекта, которого ожидала. Загнать старого ученого в угол не получилось, она только разозлила его.

– Одной десятой. Сорок третьему не хватило одной десятой. Я все помню, Майк, – ответила Анна, не дожидаясь, когда Ивор сам огласит эту цифру.

Анна использовала последний, ранее безотказный козырь по успокоению коллеги – назвала его по имени. Немногие в лаборатории осмеливались это делать, но у нее была подобная привилегия, которой она иногда пользовалась. Помогло и на этот раз. Ивор еще раз оки-

нул ее тяжелым взглядом, а после устало закрыл лицо ладонями и упал в огромное кресло, стоявшее у него за спиной.

– Пойми, Анна, такой удачи больше может и не быть, – наконец заговорил он. – Всего пятнадцать подопытных мужского пола доходило до стадии синхронизации живыми и потенциально в будущем полностью функциональными. И только двое пересекли отметку отметку в пятьдесят процентов, а сорок третий почти достиг необходимого значения. А тут девяносто семь и три! Я не мог позволить понизить уровень синхронизации. Просто не имел права.

Ученый потер виски, посмотрел на уже не такую воинственную, как пять минут назад, коллегу и продолжил:

– Астрея тоже не была предназначена для ведущей позиции, ты это прекрасно понимаешь, но не хочешь признавать, потому что это ты ее нашла, – Анна не выдержала тяжелого взгляда хирурга и отвела глаза. Он же тем временем продолжил. – Астрея и Адикия задумывались как равноправный тандем, а не как пара ведущая – ведомая. Справедливость и несправедливость должны идти рука об руку, но сейчас верховенствует первая. Анна, Объект 84 – это отличный шанс сбалансировать их, вернуть программу в былое русло.

Ивор встал со стула и взял маленькую шатенку за плечи, наклонившись так, чтобы их глаза были на одном уровне.

– Ты понимаешь, Анна? Девяносто семь целых и три десятых процента! При должном уровне подготовки и первоначальной поддержке со стороны Астреи, восемьдесят четвертый уже через год будет задвигать их обоих легким шевелением мизинца на ноге, – Ивор старался поймать взгляд Анны, но она до последнего отводила глаза.

– А если не сможет? Два лидера – это катастрофа. Мы потратим уйму средств и времени на адаптацию восемьдесят четвертого и его обучение, – ответила она. – Если что-то пойдет не так, его придется отбраковать в операторы, как и сорок третьего. – Анна повела плечами, будто поежилась от холода. – Что тогда, Майк?

Доктор Ивор отпустил плечи Анны, выпрямился в полный рост и повернулся к стеклу, за которым была палата восемьдесят четвертого.

– Под мою ответственность, – после долгой паузы сказал хирург.

– Но... – пыталась возразить Анна.

– Разговор окончен, можешь идти, – отрезал Ивор.

Анна знала эту кодовую фразу. Как только Майкл ее произносил, дальнейшие дебаты не имели смысла – своего решения он не изменит.

Она попрощалась со старым хирургом и вышла в пустынный, ярко освещенный коридор лаборатории и направилась в свой кабинет. Приблизился вечер, и сейчас на глубине нескольких сотен метров под землей можно было встретить только охрану и обслуживающий персонал: большинство сотрудников уже разбрелись по своим комнатам или залам отдыха. Анна прошла до поворота, бодро цокая каблуками по бетонному полу, свернула налево и направилась к своему рабочему кабинету. По пути ей встретилась только пара охранников, постоянно курсирующих по уровню.

– Доброго вечера, доктор Прайс, – поприветствовал Анну один из них.

– И тебе, Джеймс, – Анна немного замедлила шаг. – Все в порядке?

– Конечно, доктор, – ответил он и улыбнулся настолько широко, насколько вообще способен улыбаться человек.

Анна тоже улыбнулась охраннику, но ничего не ответила и пошла дальше, чувствуя на своей спине и всем, что ниже ее, два мечтательных взгляда. Дойдя до двери своего кабинета, она приложила свой бейджключ к датчику и через мгновение услышала щелчок замка. Можно входить.

«Господи, когда же мы откажемся от этих тупых ключкарт», – подумала Анна, зайдя внутрь и включая в кабинете свет. Уже внутри ее мысли вернулись к разговору с доктором Ивором.

«Под мою ответственность». Как же часто она слышала эту фразу от него!

– Не слишком ли много ответственности для одного старика? – спросила она пустоту.

Впереди был долгий вечер. С показателями синхронизации выше девяноста процентов они даже не думали столкнуться, а тут девяносто семь и три. Надо перепроверить все расчеты еще раз.

* * *

Прошло пять циклов тяжелого, черного сна. Каждый раз он проваливался в эту пустоту буквально через несколько часов после пробуждения. Выжженный мозг восстанавливал нарушенную в ходе операции работу. После третьего цикла он уже мог подолгу фокусироваться на одной точке, после пятого – более-менее связно мыслить. Объект 84 не понимал, сколько прошло дней, какое сейчас время суток – в его комнате не было окон. Пытаясь хоть как-то себя развлечь, он в сотый раз считал количество ламп на потолке, закрытых квадратами матового пластика. Он уже – не без усилий – дошел до пятнадцати, когда дверь в его комнату открылась.

– Доброго утра! – на пороге стоял доктор Ивор вместе с санитарями и какой-то маленькой женщиной. – Готовы немного развлечься?

Объект 84 ничего не ответил. Аппарат искусственной вентиляции легких отключили еще после первого цикла сна, но контролировать голосовые связки он все еще не мог.

– Парни, катите его в седьмую лабораторию, – сказал Ивор, – и аккуратно, слабый еще.

Два санитаря подошли к его койке, сняли тормоза и развернули к двери.

«Не пройдет», – подумал восемьдесят четвертый.

На удивление, койка прошла, казалось, в недостаточно широкий дверной проем с запасом в несколько сантиметров по краям. Так Объект 84 впервые оказался за пределами своей палаты.

Коридор не радовал буйством красок. Белые стены, все то же матовое освещение и, насколько он мог увидеть краем глаза, серый бетонный пол. Санитары без приключений доставили Объекта 84 в указанную лабораторию и медленно подняли спинку койки, переместив его в полулежащее положение, предварительно ровно зафиксировав голову.

Перед собой Объект 84 видел только белую стену, даже глазу зацепиться не за что.

– Раз, раз! Это я, доктор Ивор. Рад вам сообщить, что через час вы избавитесь от своего нынешнего имени «Объект 84», – восемьдесят четвертый не мог понять, откуда исходит звук, но голос хирурга узнал. – Пожалуйста, внимательно смотрите на экран, вам в течение часа с перерывами будет демонстрироваться видеоряд. Результаты активности вашего мозга проанализирует сеть операторов и подберет наиболее подходящий вам профиль и имя в рамках нашей программы.

Голос доктора звучал так, будто он читает лекцию, а не сообщает человеку, что через час он получит нормальное имя вместо порядкового номера.

– Сразу предупреждаю, что вам необходимо добровольно сфокусироваться на экране. Конечно, мы можем насильно держать ваши глаза открытыми, но тогда результаты теста будут смазаны, – сказал Ивор.

Восемьдесят четвертый для себя решил, что лучше иметь возможность моргать, чем постоянно пялиться в экран, и приготовился смотреть.

– Отлично. Вижу, вы готовы сотрудничать. Начинаем, – после этих слов Ивор отключился.

На белом экране вспыхнула череда кадров, стремительно меняющих друг друга. Картины, фото, куски видео и, по всей видимости, старых хроник. Какието тексты, числа и просто цветные экраны. Восемьдесят четвертый старался не моргать, боясь чтото упустить. Кто его знает, что делают с теми, кто не прошел тест? На этот раз неизвестность взяла верх над эмоциями и заставила его сосредоточиться.

Шесть раз они делали перерыв. Дважды в лабораторию заходила медсестра и капала чтото ему в пересохшие и слезящиеся глаза. Спустя час тест был завершен.

– Ну как он? – спросила Ивора Анна.

– Весьма достойно. Старался даже не моргать, – ответил ученый.

– Как результаты? – продолжила расспросы Анна. – И зачем этот фарс с именем?

Ивор бросил взгляд на пластину своего планшета.

– Пока в обработке, – ответил он, проигнорировав второй вопрос.

Не успел он договорить, как на экране планшета зажглась синяя точка.

– А вот и результаты.

Ученый коснулся пальцем точки и получил развернутый отчет сканирования. Нетерпеливо пролистывая некоторые места и вчитываясь в другие, доктор все ближе знакомился со своим подопечным. Закончив чтение, он отложил планшет в сторону и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на стоявшую рядом Анну.

– Знаешь, будь у меня этот отчет на руках три дня назад, когда ты отчитывала меня за сохранение уровня синхронизации, я бы, – Ивор сделал трагическую паузу, наблюдая за реакцией Анны, – я бы не отказался от своего решения, – закончил он. – Посмотри сама.

Анна взяла в руки планшет хирурга и так же бегло, как и он, ознакомилась с основными пунктами характеристики. И чем дальше она читала, тем больше ее тревожило то, что находилось в соседней комнате за стеклом.

Бросив взгляд на Ивора, она положила планшет на стол и сказала:

– Поздравляю, Майк, ты создал чудовище.

– Я знаю, – с улыбкой ответил Ивор, – и я очень хочу увидеть, на что это чудовище способно.

После этих слов он нажал на панель перед собой и громко сказал, глядя через стекло на застывшего в ожидании восемьдесят четвертого:

– Ну что же, все хорошо. Вы прошли тест, и результаты выше всяких похвал. Надеюсь, мы с вами продолжим нашу работу в том же духе, Деймос.

Глава 2

Они сидели посреди сгоревшего леса и смотрели друг на друга.

– Значит, Деймос, да? – нарушил молчание труп. – Миленько. Имя определенно тебе подходящее.

Деймос ничего не ответил. Он продолжал всматриваться в куски обгоревшей плоти, которая когда-то была лицом, и не мог понять, что же в его выжженном сознании породило мертвеца. Хуже всего было то, что он не ощущал контроля над ним, как это иногда бывает во снах. Труп вел себя абсолютно непредсказуемо и казался чемто посторонним, не принадлежавшим его сознанию. Он постоянно следовал за ним, не позволяя остаться наедине с собой. Иногда говорил абсолютно непонятные вещи, но чаще просто молчаливой тенью преследовал хозяина сновидения.

– Что тебе от меня нужно? – спросил Деймос.

Труп ничего не ответил. Деймос хотел сказать еще что-то, но почувствовал, что пепелище начало растворяться.

– Поговорим какнибудь в другой раз, ты еще не готов, – сказал труп, перед тем как исчезнуть вместе с остатками пустоши.

* * *

Учиться ходить заново – занятие мучительное и долгое. Деймос приходил в ярость каждый раз, когда не мог встать с кровати. Он уже не помнил, сколько раз метал в медсестру костыли, которые она приносила ему каждое утро. Сколько раз он пытался встать с кровати сам и сделать несколько шагов без этих унижительных для его эго помощников! Из раза в раз все заканчивалось одинаково. Падение на пол, ползком обратно на койку.

Еще хуже дела обстояли с едой. От тонкой моторики рук не осталось и следа, и Деймосу приходилось питаться с ложечки, которую, после бросков костылей, с некоторой опаской подносила к его рту медсестра.

С ним обращались как с маленьким, ничего не смыслящим ребенком. Деймосу казалось, что тот первый и единственный пока разговор с Ивором был, скорее, монологом хирурга. Его принимали за дебила, клинического и неспособного на мыслительную деятельность. Деймос же подыгрывал своим тюремщикам и всячески изображал большого младенца.

Сложнее всего было имитировать пустоту во взгляде. Откуда именно, он не помнил, но знал, что глаза – это первое, что выдает в человеке интеллект. Глаза – зеркало души, и, как бы жалко человек ни выглядел, движение мысли всегда будет отражаться в них. Первое время он усердно отводил взгляд, не позволял себе подолгу фокусироваться на одном предмете и старался не реагировать на обращения к нему и осмысленную речь. Подобное поведение приносило свои плоды. Пока он был намертво прикован к кровати и старательно изображал большой овощ, персонал места, в которое он попал, не сдерживался во время бесед. Так он узнал, что они находятся под землей, что как минимум объясняло отсутствие окон во всех помещениях, где ему пришлось побывать. Также ему удалось подслушать, что доктор Ивор является главой проводимых исследований, а ту маленькую женщину, что была рядом с ним, когда ученый впервые появился в дверном проеме, зовут Анна, доктор Анна Прайс.

Но ломать комедию слишком долго тоже не стоило. Видимо, его тюремщики рассчитывают на то, что он вскоре вновь начнет ходить. Деймос пришел к такому выводу, когда в его комнате появилось креслокаталка, а после и костыли.

Учиться ходить заново – занятие мучительное и долгое... Он не знал, как долго пролежал без движения в этой комнате с матовым потолком, но тело успело его предать. Мышцы атрофировались, и любое движение, любая попытка сесть, встать или сделать хотя бы несколько шагов вызывали тяжелую одышку.

Через неделю он уже мог пройти на костылях несколько метров до двери комнаты, но сил вернуться на койку самостоятельно не хватало.

– Отлично, дорогой, давай, вот так, – сказала Пенни, его сиделка. – Давай, милый, еще шажок, я посажу тебя в кресло и мы вернемся в постель, давай, постарайся.

Ее щебет приводил Деймоса в бешенство. Но что поделать – если начал косить под дебила, то отступать уже некуда. Уставившись в пол, он сделал шаг левой ногой и постарался максимально аккуратно переместить на нее вес своего тела. В этот момент прорезиненная ножка левого костыля соскользнула, будто бы ее кто-то выбил, и он потерял равновесие. Тело без надежной опоры резко ушло вбок, и Деймос приложился головой о подлокотник стоявшего рядом креслакаталки.

Боль в шее после падения была настолько сильной, что из глаз брызнули слезы. Стараясь понять, что происходит, он попытался пошевелить головой, но новая вспышка боли ослепила его и заставила заскулить.

«Тупица, помоги мне!» – подумал Деймос, глядя на Пенни сквозь слезы. Сиделка замерла над ним с раскрытым ртом, в ее глазах читалась паника. Ей доверили уход за ним как самой ответственной и внимательной медсестре во всем центре. Но она не справилась. Пенни не могла сдвинуться с места, все стояла как истукан и пялилась на кровь, проступающую на воротнике больничной рубашки Деймоса. «Швы разошлись, – подумала она, – доктор Ивор меня убьет».

Пенни никогда не отличалась большим умом. С ранних лет она отставала в интеллектуальном развитии от сверстников, но мать твердила ей: «Пенни, не важно, умная ты или нет. Важно, сколько усилий ты прикладываешь». И Пенни старалась, старалась всю свою жизнь. Сначала в училище, потом в госпитале. Когда старшая медсестра, уходя с прежнего места на работу в лабораторию, позвала с собой и Пенни, счастью ее не было предела. Серьезное место, красивые врачи, лучшая аппаратура и лекарства. Что еще надо было для счастья? Она много лет тянула лямку, не претендуя на руководящие позиции старшей медсестры, так как понимала: в политике и общении с людьми она полный ноль. Но она не смогла бы продержаться так долго на хорошем счету, если бы не ее звериная изворотливость. Ради собственного блага простушка Пенни могла солгать о чем угодно и кому угодно, подставить невиновного и утаить правду, даже если по ее вине кто-то умер.

– Ну что же ты, Деймос, аккуратнее надо быть! – она заговорила с ним тоном, которым общаются с нашкодившими детьми. – Давай, поднимайся, хватит валять дурака.

В это время Деймос, парализованный болью в шее и голове, мог только мычать и желать смерти тупой сиделке.

– Давай я помогу, а потом приведем тебя в порядок, да, милый? – сказала она. В голове Пенни уже созрел план, как проверить все так, чтобы никто ни о чем не узнал.

Она схватила Деймоса под мышки и, будучи женщиной немаленькой, без особых усилий подняла и усадила в креслокаталку исхудавшего после операции мужчину. После она сделала шаг назад и посмотрела на него, будто пытаясь понять, насколько все плохо. По лицу Деймоса стекали капли пота, он сидел в кресле без движения и тихо стонал. Пенни еще раз посмотрела на подопечного, бросила секундный взгляд на дверь палаты. План действий созрел в ее голове почти мгновенно, будто кто-то подсказал, что ей делать, и она двинулась к тумбе с лекарствами и инструментом. Немного покопавшись в ящике, Пенни извлекла небольшой пузырек и шприц с иглой.

– Нуну, тише, а то нас кто-нибудь услышит, – сказала она себе под нос. – Сейчас я сделаю тебе укольчик, и все пройдет, потерпи.

Пока она пыталась успокоить Деймоса, руки привычным, ловким движением отмеряли дозу обезболивающего. После Пенни подошла к подопечному и сделала укол. Через несколько минут Деймос затих и погрузился в наркотический сон: медсестра вколола ему конскую дозу, потому что через час должен был зайти доктор Ивор.

Пенни была уверена, что Ивор ничего не заподозрит. Пациент всегда крепко спал после физических нагрузок, а старый хирург целиком доверял ей в плане ухода за ним. Все обойдется. Она взяла тампоны из другого ящика тумбы и аккуратно отодвинула край воротника больничной рубашки, которая была надета на Деймоса. Проведя дезинфекцию, она дождалась, пока остановится кровь и уложила мужчину на койку. Ей повезло: швы просто слегка кровоточили и уже через пару дней никто ничего не заметит.

Она немного постояла рядом с койкой Деймоса, пока не убедилась, что он полностью отключился. После закрыла иглу колпачком, аккуратно положила шприц и окровавленный тампон в карман халата и вышла за дверь.

Все должно выглядеть так, будто он просто спит.

* * *

Анна тихо зашла в кабинет Ивора. Она застала хирурга за своим рабочим столом, он вел с кем-то беседу в режиме видеоконференции.

– Да, господин советник, да, я вас понял, – сказал Ивор, и по его лицу было ясно, что разговор не из простых. – Да, я все понимаю, наши исследования крайне важны, но хочу заметить... – Ивор осекся на полуслове и поменялся в лице.

Доктор Прайс никогда не видела старого хирурга таким потерянным и беспомощным. Он напоминал ей кролика перед змеей, которая находилась по другую сторону экрана. Она уже подумывала тихо выйти за дверь и заглянуть позже, но в этот момент Ивор опять заговорил:

– Да, будет выполнено, господин советник.

После этого ученый коснулся экрана планшета, установленного в специальный паз на столе, отключился от конференции и закрыл лицо руками.

– Останься, Анна, – сказал Ивор, не опуская ладоней, – ты как раз вовремя, нам нужно поговорить.

Анна была не в восторге от тона Ивора. Исходя из того, что она услышала, у них появились проблемы, причем серьезные. Если они попали в поле зрения одного из советников, то все очень плохо.

– Да, доктор Ивор, – сказала Анна.

– Майк, – сказал ей Ивор.

– Простите, что? – ответила она.

Анна была крайне удивлена: ученый не любил, когда его называют по имени. Ивор помолчал несколько очень долгих для нее секунд и вновь заговорил:

– Сейчас для тебя просто Майк. Я сыт этим официальным дерьмом по горло.

Это была еще одна неожиданность. Ивор никогда не использовал крепких выражений, почти всегда оставаясь невозмутимым. Максимум – иногда ребячился, как и любой мужчина в хорошем расположении духа.

– Хорошо... Майк... – ей было трудно назвать старого хирурга по имени в спокойной беседе. – Что произошло? О чем ты хочешь со мной поговорить?

Ивор предложил жестом Анне присесть, а потом очень медленно и тихо заговорил.

– Мы должны ускорить наши исследования, – сказал он, глядя на свои руки. – Советник Харрис требует вывести проект на полную мощность уже через три месяца.

– Но как, Майк?! – воскликнула Анна. – Деймос еще даже говорить не может! Если мы подключим его к сети без должной психической и физической подготовки...

– Я знаю, – перебил Ивор. – Но у нас нет выбора, милая. Если это сделаем не мы, то кто-то другой. На двадцати шестом уровне достаточно желающих занять твоё и моё места вместо того, чтобы возиться с операторами.

Анна понимала, что их загнали в угол. Первое подключение Деймоса планировалось только через пятьдесят месяцев. Вывод проекта на полные мощности – через год.

Они еще немного помолчали, каждый думал о своем.

– А последствия? – нарушила тишину Прайс. – Они в курсе возможных последствий?

– Моя дорогая Анна, никого это уже не волнует. Обстановка на поверхности накалена настолько, что обычное оружие уже никого не пугает, – ответил ученый. – Если они не задействуют возможности нашей тройки, страна полыхнет, как пропитанная маслом тряпка.

Анна внимательно слушала Ивора, но не могла поверить в то, что он говорит. Три месяца? Они смеются? У них есть такой прекрасный экземпляр, как Деймос, а вышестоящее руководство приказывает им окончательно выжечь ему мозги спешкой.

– Им недостаточно Астреи и Адикии? – спросила Анна.

– Нет, недостаточно. Им нужен Деймос, полностью готовый к работе уже через три месяца, – настаивал Ивор.

Анна на минуту задумалась, а потом сказала очевидную для них обоих вещь:

– Нам придется быть очень осторожными, Майк.

– Я знаю.

* * *

День 3

Я понимаю, что ведение дневника для потомков – это нарциссизм, но ничего поделать не могу. Я обязан записать все, что отныне происходит в моем НИИ.

Два дня назад я получил официальный ответ на свой, наверное, тысячный запрос в Министерство обороны. Но на этот раз судьба улыбнулась мне! В свете последних событий тюрьмы переполнены, и поэтому в мое распоряжение поступают заключенные смертники. По документам им форсированно приводят приговор в исполнение, а после этапируют ко мне. Не самый лучший материал для работы, но лучше, чем ничего. Вместо возни с обезьянами мне наконецто дают возможность заняться настоящими исследованиями.

Пока не ясно, когда поступят первые испытуемые, но надеюсь, что это произойдет как можно раньше. Пока же я отдал распоряжения подготовить для них камеры на цокольном этаже.

Эти долбаные вечно пьяные слесари из поселка задрали такую цену, будто я попросил их слепить из говна и палок танк с использованием технологий Аненербе, а не установить десяток стальных дверей! Но что поделать. Сейчас они мне нужнее, чем я им.

День 5

Слесари взяли задаток наличными, но так и не явились. Пока Ваня, мой ассистент, обрывает им телефоны, мне приходится отбиваться от главбуха, которая грозит налоговой и зоной. Старая карга в бешенстве, но я уверен, что как только мы дождем этих синяков, она успокоится. Из министерства пока ни звука. Оно и к лучшему.

День 11

Наконецто явились слесари. Хотелось дать главному по морде, но договорились о скидке. Главбух даже немного подобрела, после того как я пообещал ей «компенсацию». Мелочные, тупые люди. С какими же идиотами мне приходится работать!

Сегодня пришла весточка от моего знакомого из министерства. Формируется первый конвой. Уже через полторы две недели я получу пять подопытных, о которых никто никогда не вспомнит – по документам их уже расстреляли.

День 20

Слесари закончили установку дверей в камерах. За дополнительную плату в последний день они даже оборудовали две из них для содержания особо буйных. Все же их работа стоила заплаченных денег, сделано на совесть. Есть мнение, что эти двери удержат хоть черта лысого.

Ждем прибытия материала.

День 22

Сегодня ночью прибыл конвой. Меня выдернули из постели, но оно того стоило. Наконецто я смогу продвинуться в своих изысканиях! Я не сказал бы, что материал прибыл отменный, но мне не на олимпиаду их отправлять. Все истощены этапом, один болен туберкулезом, но это не страшно и на результаты исследований не повлияет. Надеюсь, что не повлияет.

День 23

С прибытием заключенных сразу же начались проблемы. Персонал НИИ не был готов к подобным соседям, среди сотрудников поползли разные толки. Но мне – простите меня, дорогие потомки – насрать! Не они потратили тридцать два года на исследования, а Я! Пусть закроют рты и делают свою работу.

Другой вопрос – безопасность и секретность. Конечно, все проходили собеседование с чекистами, но мне кажется, стоит пригласить их еще раз. Пока же повременю с экспериментами. Да и подопытных зэков стоит привести в порядок – откормить как минимум.

День 26

Отправил запрос в СБ¹ для проведения повторной проверки персонала НИИ на профпригодность, ожидаю ответа.

День 44

Ответа от СБ все еще нет, но это утро было омрачено инцидентом: один из заключенных через окошко в двери схватил повараху, которая разносила утренний паек, и сломал ей руку в двух местах. И надо же было этому случиться! По НИИ опять поползли слухи и разговоры, которые я так усердно пресекал последние недели. Поварихе выписал премию и отправил лечиться. По моему указанию еду помогают разносить лаборанты покрепче.

День 50

Больному ээку стало хуже – жизнь на цокольном этаже не способствует лечению туберкулеза. Но есть и хорошие новости: в ближайшие дни прилетят чекисты. Я уже составил для них список к отбраковке, уверен, к моему мнению они прислушаются.

День 54

Прибыл какойто сопливый капитанишка в сопровождении нескольких солдат и двух экспертов-психологов. И кого они ко мне отправили?! За кого принимают?! От моих рекомендаций он просто отмахнулся, сказал, сами справятся. Этого юнца хочется придушить голыми руками.

День 57

Проверки закончились. Честно сказать, работой капитана Филиппова я удивлен – первоклассный специалист! Мало того, что отбраковал всех, кто был в моем списке, так нашел еще и парочку, кого я пропустил. Даже уборщиц проверил. Молодец парень, далеко пойдет! Уверен, касательно подконтрольного мне НИИ он получил особые распоряжения, но работу выполнил на пять с плюсом. К сожалению, пришлось расстаться с рядом ведущих специалистов и моим ассистентом, но они были не готовы к тому, чем мы будем тут заниматься, я в этом уверен, как и капитан. Да и потери не столь велики – все равно то, что мы имеем, по большей части было разработано мной.

Очень душевно посидели с капитаном перед отъездом. Конечно, я гожусь парню в деды, но у него удивительно цепкий ум. Очень проникательный и очень интересный молодой человек. Хотелось бы, чтобы подобные люди выступали добровольцами в моих исследованиях, но нет нынче людей, готовых пожертвовать собой ради науки и отечества.

Капитан заверил меня, что его начальство всячески поддерживает мои изыскания и готово предоставить любую необходимую помощь. Приятно слышать.

День 60

Сегодня я определился с новым ассистентом. Сергей был на седьмом небе от счастья. Конечно, ведь он будет работать рука об руку, не побоюсь этого слова, с одним из лучших умов современности в нейробиологии! Конечно, я не претендую на решение основных проблем своей сферы, но мои исследования помогут продвинуться человечеству в поиске ответов.

День 78

О, боги! Как же много времени было потрачено на всякие бюрократические проволочки, а теперь еще и эти проблемы! Один из ээков опять пытался напасть на кухарку, но лаборант успел ей помочь. В итоге добавилась еще одна головная боль: женщины из блока питания отказываются спускаться на цоколь, чтобы покормить наших гостей. Пришлось опять идти к главбуху и выбивать повышение жалования паре лаборантов, так как и эти ослы «забесплатно» работать не хотят. Они не осознают, к чему становятся причастны. Осознавали бы – ползали бы передо мной на коленях. Но ничего, прорвемся.

День 91

Наконецто первый день настоящей работы, я начинаю исследования на людях! Первично составленные психологические профили испытуемых не радуют. Конечно, ведь у меня трое

---

¹ СБ – служба безопасности.

убийц, насильник и один маньяк. Последний беспокоит меня больше всего: именно он сломал руку кухарке и воспринимает все происходящее как забавную игру. Этот ублюдок поистине безумен, я уже начинаю сомневаться в правильности выбора материала. Возможно, стоило искать смертельно больных, а не приговоренный к расстрелу мусор. Но я так долго ждал этой возможности! Да и пути назад нет. Пока же нас ожидает классическая рутина, если произойдет что-то важное, то обязательно напишу.

День 134

Если бы не органайзер, то и не знаю, какой бы день по счету я указал.

Это ужасно. Никаких значительных продвижений, мне кажется, что я где-то ошибся. Одному из убийц, подопытному №2 (я считаю, что называть по именам тех, кто уже не числится в живых, смысла не имеет) стало еще хуже. Туберкулез, который он подхватил на зоне, его скоро доконает.

День 150

Подопытный №2 отправился в крематорий. Остальные пока в строю.

Выборка слишком нерепрезентативна, мне нужно больше материала. Дал указание оборудовать новые камеры в подвале, а также отправил весточку друзьям в министерстве и СБ.

Продвижений в исследованиях нет.

День 167

Строительство и оборудование камер идет полным ходом. Больше всего проблем возникло с устройством санузлов, но ничего не попишешь – необходимость. Конечно, это встало в серьезную копейку НИИ. Старая карга, эта ведьма, главбух, вот уже две недели летает вокруг меня на своей метле, но скоро успокоится. В ожидании нового конвоя я решил сосредоточиться на подопытном №5, маньяке-психопате. На последних тестах его мозг показал любопытную активность, нам почти удалось получить хоть какие-то результаты. Возможно, это как-то связано с его безумием, но я пока не уверен.

День 180

Начали медикаментозную стимуляцию подопытных №1 и №3. Четвертый и пятый получают плацебо и выступают в роли контрольной группы. Мда, контрольная группа из двух человек. Сильно, нечего сказать. Препараты, которые мы им даем, – моя личная гордость, мое детище. Они неплохо показали себя на обезьянах, но я не знаю, как на них отреагирует человеческий организм. Остается только наблюдать.

День 186

Прибыл второй конвой с новой партией материала. Мои друзья из министерства узнали об инциденте с нападением на кухарку и выделили мне два десятка бойцов под руководством лейтенанта Щукина. Никакой показухи и огромных «шкафов». С виду – два десятка поджарых студентов, но, зная, как нынче готовят в специальных войсках, я бы с ними связываться не стал.

С прибытием солдат мне стало как-то спокойнее. Огнестрельное оружие имеет при себе только лейтенант, остальные справляются голыми руками и дубинками. Оно и к лучшему – вид автоматов только нервировал бы сотрудников. Еще ребята взяли на себя все функции по обеспечению заключенных. По всей видимости, начальство обязало их беречь покой работников НИИ и свести все контакты персонала института с подопытными до минимума.

День 195

Два дня назад подопытный №1 начал буянить, и один из лаборантов без моего ведома вколол ему успокоительного. Я так и не смог добиться от него, чем именно он его накачал, но он склоняется к версии морфия.

Это не очень хорошо. Я не знаю, к каким последствиям приведет использование подобных медикаментов в смеси с экспериментальными препаратами, которые опасны сами по себе. Пока состояние подопытного №1 можно трактовать как угнетенное. Он слабо реагирует

на внешние раздражители, не говорит, хотя действие успокоительного уже должно было закончиться.

Но самое важное – у нас опять наметились сдвиги, на этот раз с подопытным №3. Как это ни удивительно, его показатели мозговой активности стали отдаленно напоминать показатели номера пятого, нашего психопата.

В то же время мы занимаемся обработкой подопытных второй волны. Надеюсь, скоро мы сможем включить их в состав исследования. Министерство, правда, поняло мою просьбу о предоставлении материала «более высокого качества» весьма своеобразно: убийцы – самые милые из них.

День 196

Подопытный №1 повесился в своей камере этой ночью. Зная, как асоциальные элементы дорожат своей шкурой, и помня его агрессию, в это сложно поверить. Но факт остается фактом. Тело после вскрытия отправится в крематорий, благо, лейтенант меня заверил, что поможет в этом мероприятии.

Кстати, о лейтенанте. Имени его я до сих пор не знаю, только фамилию. Чем-то он мне не нравится. Кажется, что мои покровители больше мне не доверяют, но выводы делать пока рано.

День 197

Я не могу выбросить из головы результаты, которые показал подопытный №1 после дозы успокоительного. При видимой абстрагированности и отсутствии реакции на внешние раздражители, данные активности его головного мозга приближались к результатам номера пятого, что без внешнего вмешательства невозможно. Думаю, стоит взять морфий на карандаш.

День 199

Я дал распоряжение сделать контрольные замеры для второй группы из семи заключенных и начать стимуляцию нашими препаратами. Пока же в роли первопроходца выступит подопытный первой волны, №5. Ему начали колоть еще и морфий.

День 204

Кажется, мы на грани прорыва! Показатели номера пятого растут как на дрожжах, но сам подопытный также впал в протрацию. Думаю, это побочный эффект наркотиков вкупе с препаратами.

Сегодня приходил лейтенант и поделился со мной опасениями. Некоторые из бойцов проявляют беспокойство, что для них не свойственно. В последние дни двоих мучают кошмары. Просил связаться с вышестоящим руководством в министерстве и выбить сменщиков. Слабаки.

День 209

Вторая волна особыми результатами не радует, хотя в министерстве неплохо угадали: чем более асоциален подопытный, тем более высокие результаты он показывает в ходе испытаний с течением времени. Но бесспорным лидером остается №5. Мы увеличили дозировки, надо найти его предел.

День 211

Подопытный №5 окончательно свихнулся. Он мечется по камере и постоянно орет, видимо, побочный эффект от увеличения доз. Пришлось скрутить его и упаковать в смирительную рубашку, но заткнуть не получается. Накачка же успокоительным приведет только к смазыванию результатов. Нужно ждать.

День 219

Опять приходил лейтенант Щукин, говорит, у бойцов, которые дежурят на цоколе, сдают нервы. Многие из отряда мучаются кошмарами, один даже кричал во сне. И кого теперь набирают в спецвойска? Хотя я могу их понять. Иногда мне кажется, что я слышу крики подопыт-

ного №5 в другом крыле института, хоть это невозможно. Персонал тоже нервничает, но в отличие от вояк он понимает, насколько важна наша работа.

День 230

Сегодня ночью подопытный №5 смог освободить одну руку из смирительной рубашки – кто-то плохо затянул ремни после очередного осмотра. Виновного искать смысла уже нет – пятый перегрыз вены на запястье. Кровью была залита вся камера. Очень жаль, это был отличный экземпляр.

День 232

Сегодня подходил к Шукину по поводу его просьбы. Как ни странно, лейтенант заверил меня, что после того, как подопытный №5 отправился в крематорий и на цоколе все стихло, состояние бойцов нормализовалось. Оно и к лучшему – попытки получить новых охранников могли привлечь нежелательное внимание в министерстве, к чему мы пока не готовы.

Пока же будем продолжать исследования».

* * *

Советник Ли опаздывал на заседание. Он бодро шагал по длинным коридорам здания Совета, в котором ему была знакома каждая каморка, и размышлял о том, как повернуть сложившуюся ситуацию себе на пользу. Волнения нарастали, и Ли понимал, что рано или поздно они выльются на улицы. Он прошел мимо памятника Революции в холле и направился к дверям в Зал Совета.

Там Ли ожидало роскошно обставленное светлое помещение с огромным овальным столом в центре. Поздоровавшись с прочими членами Совета, Ли оставил планшет на столе и подошел к минибару в углу. Дебаты обещали быть жаркими, и он предпочел бы перед ними промочить горло. Советник взял стакан, бросил в него пару охлажденных камней вместо льда (он не любил разбавленный виски), сделал глоток и, развернувшись лицом к залу, нос в нос столкнулся с одним из членов Совета.

– Доброго дня, советник Харрис, – сказал Ли.

– Доброго дня, советник Ли, – ответил Харрис.

Наслаждение, полученное от глотка виски, было безнадежно испорчено. Ли поставил стакан обратно на стойку минибара и развернулся к Харрису, в глубине души надеясь, что пока он осуществлял эти простые манипуляции, тот провалится сквозь землю. К его разочарованию, Харрис никуда не делся. Тощий, с острыми чертами лица, он стоял перед коллегой и всматривался в его лицо, будто умел читать мысли. Это привычка Харриса всегда раздражала окружающих, а Ли – в особенности. В ответ на его пытливый взгляд Ли слегка приподнял бровь, всем своим видом показывая, что ему крайне любопытна причина, по которой Харрис обратил на него свое внимание.

– Советник Ли, – растягивая слова, будто что-то мешало ему говорить, начал Харрис, – я слышал, вы в противовес общему мнению сформировали некую «опозицию» на прошлом заседании? Мне так жаль, но мне пришлось отсутствовать по делам государственной важности, поэтому и спрашиваю вас лично, – наконец выговорил Харрис и опять уставился на Ли.

– Да, советник Харрис, мое мнение не совпало с мнением прочих членов Совета, – ответил Ли. – Вы и сами должны понимать, что при решении дел государственной важности необходимо искать оптимальные пути.

– Конечноконечно! – Харрис подался чуть назад, поднимая руки в жесте примирения. – Просто это так для вас необычно, советник. Вы – и перечите мнению большинства...

Ли был рад тому, что поставил свой стакан с виски обратно на стойку. Пей он в этот момент, то, скорее всего, подавился бы. Харрис внаглую копал под него, о чем сейчас фактически прямым текстом и сообщал. Его спас Глава Совета, который вошел в этот момент в зал.

– Добрый день, господа, – Глава окинул комнату взглядом, отмечая для себя, кто присутствует на заседании.

Он на секунду задержался на Ли и Харрисе, так как видеть вместе этих двоих было удивительным зрелищем, но не подал виду. Удовлетворенно кивнув самому себе, Глава подошел к столу и занял свое место, жестом предлагая последовать его примеру. Пока члены Совета рассаживались, он уже начал просматривать сводку за последнюю неделю.

– Итак, господа, начнем, – сказал он после того, как все уселись.

Первым поднял руку Харрис, изъявляя желание высказаться.

– Советник Харрис? – спросил Глава. – Вам есть что сказать Совету, пока мы не начали обсуждение по повестке дня?

Это было традицией. На каждом собрании один из советников мог поднять тему, которая, по его мнению, требовала первоочередного внимания. И Харрис воспользовался этим правом.

– Да, Глава, мне есть что сообщить Совету, – ответил Харрис. Казалось, он светится изнутри в предвкушении триумфа, и это беспокоило Ли.

– Тогда вам слово, – сказал Глава.

– Спасибо, – ответил Харрис, вставая со своего места. – Господа, рад сообщить вам, что один из исследовательских центров, находящихся в моем ведении, сообщил о возможности вывода на расчетные мощности нашей новой системы гражданского контроля. Ученые называют ее проектом «Око». Могу заверить вас, что уже через три месяца наши проблемы с сопротивлением и Гетто будут решены. Информация по проекту сейчас появится на ваших планшетах.

Харрис несколько раз коснулся экрана своего устройства, а потом опять сел на свое место.

– Готов ответить на все ваши вопросы, – сказал он.

Зал Совета погрузился в тишину. Эта новость была громом среди ясного неба. Ли слышал о какомто исследовательском центре недалеко от Столицы, который находился под землей, но не более. Разузнать чтолибо при помощи сети своих доносчиков ему так и не удалось, Харрис умело охранял свои секреты.

– Только не говорите, Харрис, что это очередная ваша система видеонаблюдения или чтото в этом духе, – сказал один из членов Совета.

– Нетнет, что вы! – ответил Харрис. – Это новое слово в технологиях, смею вас уверить. Пожалуйста, ознакомьтесь с документами, что я предоставил, и вы все поймете.

Ли коснулся экрана планшета, открыл присланный Харрисом файл и прошелся взглядом по основным позициям. Он чувствовал, что по мере чтения у него начинают шевелиться волосы на голове, и не у него одного. Зал Совета погрузился в тяжелое молчание, многие не могли поверить в то, что прочитали.

Наконец тишину прервал Глава.

– Хм. Харрис, вы уверены, что это вообще возможно? – спросил он.

– Да, господин Глава, уверен. Исследования велись долгие годы в условиях строжайшей секретности и в последний месяц вышли на финишную прямую. У нас имеется ряд прототипов, которые я уже применял в полевых условиях, а через три месяца в строй вступит полноценная версия проекта. К тому же была подготовлена вся необходимая инфраструктура, – ответил Харрис.

Он очень старался это скрыть, но на его лице светилось ликование. Введение в строй проекта «Око» таким, как он описан в документации, автоматически делало Харриса вторым человеком государства, если не первым.

После нескольких секунд тишины зал взорвался. Каждый из советников пытался чтото возразить Харрису, понимая, какое влияние он получит, если Глава одобрит внедрение проекта. Ли молчал.

Это совещание обещало быть очень долгим.

Глава 3

Старый город не лучшее место для прогулок. Возведенные еще до гражданской войны постройки стояли настолько плотно друг к другу, что в некоторых переулках двое не могли разминуться. Местные уже давно продолбили сточные канавы в когда-то чистых и ухоженных тротуарных дорожках улиц и сливали в них экскременты. Тут доживали свой век отбросы и потомки тех, кто когда-то взял в руки оружие в надежде изменить ситуацию в стране, как они думали, к лучшему. У них не получилось.

Если выглянуть из окна высотного дома на углу центральной улицы, то можно увидеть далекие огни новой Столицы, которые когда-то принадлежали окраинам. Магазины, бутики, мясные лавки и булочные на первых этажах зданий давно пустовали и стали прибежищем для бездомных. Если сильно не повезет, то можно нарваться на стаю бродячих собак, давно одичавших и нападающих на людей ради пропитания. Никто не любит объедки.

После революции власти пытались восстановить старый город, но, как оказалось, проще отстроить новый, что и было сделано. В чистом поле к северу от места, бывшего когда-то крупным торговым и промышленным центром, возвели Столицу. А развалины, еще коекак первые десятилетия поддерживаемые коммунальщиками, стали называть «окраиной» или просто Гетто.

Оливер шагал посередине улицы, стараясь держаться подальше от стен зданий. Через окна некоторых из них был виден свет от костров, но ему не хотелось встречаться с теми, кто искал у огня тепла. Человеку непосвященному, но достаточно долго наблюдающему за маршрутом Оливера, могло бы показаться, что он бесцельно нарезал круги. Это было не так. Он стремился обойти стороной наиболее беспокойные районы, те, в которых, по местным меркам, ключом была жизнь, районы, в которых можно получить удар ножом из-за ботинок или куртки.

Наконец он дошел до конечной точки своего маршрута. Свернув с центральной улицы в одну из подворотен и аккуратно переступая через мусор и обломки осыпавшейся стены, Оливер подошел к покосившейся металлической двери.

Рядом с дверью в луже собственной блевоты и мочи лежал очередной житель Гетто. За годами не стриженными бородой и волосами было сложно понять, жив ли он вообще. Оливер посмотрел на мужчину, потом оглянулся проверить, нет ли еще кого в переулке. Не заметив посторонних, он присел и тихо сказал:

– Я ищу приключений.

Один глаз бездомного открылся. Он внимательно посмотрел на Оливера, а после на удивление четко и ясно ответил:

– Два удара ногой. В левый угол.

Оливер кивнул в ответ и подошел к двери.

Старая, еще довоенная, эта дверь внушала уважение. Коегде виднелись вмятины от пуль, а по краям старую заводскую сталь разъела ржавчина. Слой грязи и мха покрывал всю дверь, как и стены здания, в которое она вела, но, если присмотреться, можно было заметить, что поставили ее сюда уже после событий, уничтоживших привычный жизненный уклад. Грубый скол кирпича, будто кто-то молотком и зубилом расширял проем, чтобы втиснуть сюда этого стального монстра, и слегка косо стоящая дверная коробка только подтверждали эти догадки.

Но Оливер не рассматривал дверь, она была ему хорошо знакома. Ударив два раза носком ботинка в левый угол двери, он замер в ожидании. Спустя несколько секунд она бесшумно приоткрылась, впуская ночного гостя. За дверью Оливера ожидала крутая и узкая лестница, освещаемая всего одной тусклой лампой в самом ее конце. Стараясь не задеть головой бетонный потолок, он протиснулся вниз и столкнулся с огромным детиной, ожидавшим его с допотопным металлоискателем в руках.

– Оружие, колющережущие, кастеты и прочее запрещено, – пробасил он. – Выкладывай все сам или проваливай.

– Ничего такого, – ответил Оливер.

– Руки, – бросил охранник.

Оливер поднял руки, давая детине обшарить его металлоискателем, а после и вручную. Та же процедура была проведена и с его ногами, а в конце пришлось снять ботинки.

– Проходи.

Впереди была еще одна узкая лестница, уходящая круто вниз. Оливер старался спускаться максимально аккуратно, держась руками за стены. После лестницы его встретили тускло освещенный коридор и первые посетители заведения. Аккуратно переступая через тела тех, кто успел перебрать спиртного и наркотиков, Оливер продвигался все ближе к залу. Он понял это по ощущению давящего на уши баса и все чаще встречающимся телам лежащих без сознания людей, вышвырнутых охраной в коридор. Он старался не всматриваться в лица потасканных малолеток под ногами и местных забулдыг, сливающих последние деньги на дешевую выпивку. Чуть дальше происходила какая-то возня: двое местных завсегдатаев оприходовали дурочку из Столицы, не знающую меры в употреблении «пыли». Один из них уже стягивал с нее штаны, когда Оливер поравнялся с ними и пошел дальше, в зал. Не его проблемы, будет для малолетки уроком.

Пройдя последний поворот, он погрузился в вакханалию подпольного заведения. Хмурая и молчаливая охрана, не менее хмурые завсегдатаи, местные криминальные авторитеты, мажорные детишки из Столицы, наркоманки, готовые на все ради дозы. Музыка, наркотики, алкоголь. Все как и всегда.

Оливер подошел к барной стойке и, не найдя свободного места, просто толкнул с ближайшего стула паренька, отключившегося после очередного стакана дешевого пойла. Пока он усаживался, пара быков из охраны уже волокла тело в коридор, – отсыпаться.

– Что будешь пить? – прокричал бармен. Действия Оливера ничуть его не смутили, подобное «отвоевывание» мест давно стало нормой.

– Есть чтонибудь приличное? – Оливер пытался перекричать музыку, молотом бьющую по барабанным перепонкам.

– Бурбон! – прокричал в ответ бармен.

Оливер просто кивнул, и уже через несколько секунд перед ним стоял стакан, заполненный на треть янтарной жидкостью с двумя кубиками льда. Несколько смятых купюр из кармана, которые он положил перед собой на стойку, в мгновение ока исчезли в руках бармена.

Мужчина слегка пригубил янтарной жидкости. Бурбон был препаршивым, но намного лучше того пойла, которым накачивалось большинство посетителей клуба. Он покрутил в руках стакан, а после залпом осушил его и жестом попросил бармена повторить. Вечер будет долгим, и выпьет он столько, на сколько хватит денег.

Когда Оливер допивал пятую порцию бурбона, который казался уже не таким и плохим, к нему подсел Мелкий.

– Э, братишка, не угостишь старого друга, а? – Мелкий, как обычно, вел себя нагло, но дерганно, постоянно оглядываясь.

– Вали отсюда, не обломится, – угощать когото Оливер сегодня не планировал.

– Да ладно те, че ты начинаешь! – прокричал Мелкий на ухо Оливеру. – Поставь стакашку корешу, побратски! Рассчитаемся.

Оливер бросил взгляд на Мелкого, а потом вернулся к своему бурбону. Понятное дело, Мелкий долгов не возвращал.

– Да ладно те, Олли, че ты ломаешься как телка! – он попытался закинуть ему руку на плечо, но Оливер ее перехватил и сбросил. – Мож, соску подгоню? – Мелкий не унимался. – Есть у меня пара на примете, свежие еще, за дозу «пыли» делай че хош.

Оливер поморщился и посмотрел на Мелкого, вздохнул, жестом попросил бармена налить еще один стакан и прокричал в ответ:

– Лучше новостями поделись.

Мелкий радостно кивнул и схватился за стакан бурбона, который поставил перед ним бармен. Осушив его, он хитро зыркнул на Оливера, давая понять, что одной порции для разговорчивости маловато. Оливер был к этому готов и опять жестом попросил бармена повторить, доставая из кармана купюры. Денег оставалось немного, но на разговор с Мелким хватит.

– Ну что? – прокричал Оливер Мелкому.

Тот уже успел пригубить второй стакан, смакуя пойло. Мелкого нельзя было назвать красавцем. Само собой, первое, что бросалось в глаза – рост не более метра пятидесяти. Круглое лицо, широко посаженные маленькие глаза, приплюснутый нос, короткие пальцысардельки, всегда ловко обращавшиеся с деньгами и наркотиками. Неподготовленный человек мог погибнуть уже через десять минут после попадания в Гетто, но Мелкий прожил здесь всю свою жизнь и чувствовал себя в этой изнанке мира как рыба в воде.

Теперь он не торопился. Растягивая удовольствие от недешевого по местным меркам бурбона, Мелкий молча наслаждался. В тот момент, когда терпение Оливера стало подходить к концу, он резким движением осушил стакан и заговорил:

– Слышал про большую облаву на той неделе?

– Конечно, – ответил Оливер.

Облавы были бичом Гетто. Стараясь искоренить инакомыслие и вычистить развалины от «асоциальных элементов, нарушающих покой жителей Столицы», нынешнее руководство страны периодически направляло отряды солдат в рейды по беспокойному пригороду. Понятное дело, не без жертв. Чаще всего погибали старики, дети, женщины, которые не успевали спрятаться от солдат: убежать от пули нелегко.

– Так вот, они неслабо потрепали бригаду Томми, – продолжил Мелкий. – Говорят, два схрона накрыли и половину бойцов посекали. Такая бойня была, что некоторые умом тронулись.

Оливер старался всем своим видом показать, что ничего нового или важного Мелкий ему не рассказал, но новости были шокирующие. Бригада Томми держала Гетто, и с вояками у него был негласный уговор: они не трогают его, а Томми не трогает их. В бригаде было достаточно стволов, чтобы похоронить столичный гарнизон в этих каменных джунглях, а придавать своим действиям широкую огласку власти не желали. Сейчас же случилось столкновение, которое могло привести к полномасштабной войне со Столицей. Конечно, военные всегда могут сравнять Гетто с землей, но тогда это опять приведет к восстаниям по всей стране. Но, по всей видимости, хрупкое перемирие было нарушено. Прольются реки крови.

Мелкий дал Оливеру немного времени переварить полученную информацию и продолжил:

– Но самое стремное, что бойцы бригады почти не давали этим жопоголовым солдафонам отпора! Томми обещал яйца оторвать тому, кто будет слухи распускать, но у меня есть кореш, который видел, как два быка из бригады валялись по земле и рыдали как те дети, прикинь, да?

А вот это уже было очень интересно.

– И что же с ними такое случилось? – спросил Оливер.

– А хрен его знает, может газ какой распыляли. Или зассали просто. Это ж они герои, пока стволами своими перед местными трясут, а так дерьмо собачье, а не бойцы, – ответил Мелкий.

– А ты что думаешь?

– Я думаю, что просто крыса у Томми завелась. Да, крыса, жирная такая, наглая крыса. Вот и сдала она схроны бригады, да бойцов подставила, – Мелкий посмотрел на бурбон в стакане Оливера и тяжело вздохнул. – Томми, кста, тож так считает. Я от кореша из бригады слы-

шал, что он паре своих командиров молотком все пальцы переломал, прикинь? Вот так взял молоток, положил руку на стол и пальцы ломал, расколоть пытался. Там, походу, от рук ваще ни хрена не осталось – Томми, бычара, здоровый.

В этом Оливер с Мелким был согласен. Каждый, кто хоть раз видел Томми, согласится, что он просто гигант. Больше двух метров ростом, на вид кило сто тридцать, а может и все сто сорок – настоящий танк. Он и выбился в бригадиры за счет своей грубой силы и жестокости, так что рассказ про пальцы и молоток вполне может быть чистой правдой.

– Но есть и такое, о чем даже Томми, походу, не знает, – опять заговорил Мелкий. – Заходил тут на днях боец бригады один, знаю я его. Так вот, прикинь, почти седой был! Я его видел с месяц назад, обычный мужик был, ну лет тридцать, ну тридцать пять от силы. И никакой седины, ну, сильнее нормы. А тут приперся как пеплом посыпанный. Я, воцем, подсел к нему, налил пару стаканов, и он мне рассказал, что в нычке на блокпосту сидел, – Мелкий заметил, что полностью захватил внимание Оливера, и жестами показал ему, что было бы неплохо налить ему еще стаканчик.

Получив добавку от бармена, барыга продолжил:

– Так вот, сидел он, значит, в нычке. Ну, тут вояки в Гетто нагрязнули: техника, солдатня в полном обвесе, все дела. Вроде прошли, говорит. Только из нычки сунулся пацана к Томми отправить, как еще один отряд заходит, только мелкий сильно. Кольцо из десятка бойцов, а внутри кольца бабенка какаято идет. В броне, но без оружия. Говорил, типа, сразу видно, что не из псов она, – Мелкий приложился к стакану.

– И что это за бабенкато, потвоему? – спросил Оливер.

– А хрен его знает. Только сказал тот мужик, что как посмотрел на нее, так чуть себе ствол в рот не засунул. Говорил, что если б задержался хоть на секунду у окна, точно бы пулю себе пустил, – Мелкий одним махом добил стакан и, слегка поморщившись, выдохнул. – Ох, хорошо пошло! Так вот, забился он обратно в нычку, да так всю облаву там и просидел. А пацана, что у него бегунком был, сам завалил, типа псы перехватили.

Мелкий замолчал, а Оливер на последние деньги взял им еще по стакану бурбона.

– Пей не торопясь, больше не будет, – сказал барыге Оливер.

– Ты думаешь, ты тут один такой добрый? – хитро ответил Мелкий.

– Надеюсь.

– Намек понял. Ладно, пора на хлеб зарабатывать.

Проигнорировав совет Оливера, Мелкий залпом выпил бурбон, встал изза стойки и растворился в толпе. Оливер еще немного задержался, чтобы добить и свой. После он тоже встал и вышел из зала. Обратный путь по узкому коридору, заполненному бессознательными телами, – и он вновь на свежем воздухе. От гремящей музыки подпольного бара гудела голова, хотелось пройтись и прийти в себя. Оливер засунул руки в карманы куртки, намереваясь прогуляться по пустынным улицам, но вдруг понял, что нащупал какойто клочок бумаги. Он достал его из кармана в надежде, что это одна из купюр, но это была записка. Медленно шевеля губами, по буквам, Оливер прочитал послание, написанное невероятно кривым почерком Мелкого: «Командир в городе».

* * *

Астрея сидела в процедурном кабинете медблока в ожидании врача, который зашьет рассеченную бровь. Очередной спарринг с Адикией прошел не в пользу старшей сестры. Пытаясь остановить кровь, она зажала рану вымоченным в холодной воде боксерским бинтом, но бровь все равно кровоточила и вдобавок напухла. Тренировки по рукопашному бою и физподготовка отнимали много времени и сил, частенько заканчивались травмами, но доктор Ивор постоянно твердил, что без контроля тела невозможен и контроль разума.

Младшая сестра опять ее, как она сама любит говорить, «ушатила». Хоть тренеры и следят за тем, чтобы они не использовали во время спаррингов свои модули, Адикия умудрялась каждый раз немного качнуть чашу весов в свою сторону. Вот и теперь Астрея опустила локоть, чтобы защитить бок от несуществующего удара ногой, и пропустила реальный удар в голову. Единственный раз Око сестры проскреблось через защиту Астреи, но этого хватило, чтобы опять проиграть.

Через несколько минут ожидания в процедурную вошел врач, который осмотрел девушку, обработал и зашил бровь и проверил состояние импланта – обязательная процедура после каждой тренировки. Все тот же Ивор твердил, чтобы сестры не били друг друга по шее и в основание черепа во избежание повреждения модуля, но в то же время допускал полный контакт с минимумом защиты.

За дверью процедурной она нос в нос столкнулась с сестрой. Адикия выглядела чуть виноватой, но от этого не менее довольной собой.

– Что, радуешься тому, что у тебя опять получилось использовать Око, а тренер не заметил? – Астрея была очень зла на сестру – бровь болела нещадно.

– Успокойся! У тебя тоже рыльце в пушку, – парировала Адикия.

В этом она была права. Старшая из сестер тоже постоянно пыталась во время спарринга вторгнуться в разум младшей, но у нее ничего не выходило. Во всяком случае, так, чтобы этого не засекли датчики. Со стороны это выглядело, будто она вместо отмычки пыталась использовать кузнечный молот.

– Нежнее надо, нежнее, – продолжила Адикия, – тем более ты сама отчасти виновата. Ты ждала удара ногой, а я просто немного помогла тебе поверить в это.

Тут она тоже была права. Удар левой ногой Адикии мог поспорить по силе с пушечным выстрелом, и Астрея всегда опасалась ее нижних атак. Но, как выяснилось, левой рукой она тоже бьет неплохо, и доказательством тому служила аккуратно зашитая врачом бровь Астреи.

– Ты идешь со мной к доктору Прайс? – вместо ответа спросила она.

– Да, конечно. Проще прийти к ней сразу, чем потом полчаса выслушивать нотации о важности исследований, – ответила Адикия и недовольно поджала губы. – Прайс постоянно занудствует, а Ивор ей в этом потакает. Не понимаю: в комплексе столько крутых спецов, а возится с нами только Анна.

– Что поделать, – ответила ей старшая сестра, идя по коридору в сторону лифтов.

Спустившись на нужный уровень, девушки двинулись к кабинету доктора Прайс. Вокруг снова обслуживающий персонал и сотрудники лаборатории, но из-за того, что их модули были переведены в спящий режим, они чувствовали только отголоски их мыслей и эмоций. Но и этого хватало. Как любила повторять Адикия Ивору, который постоянно расспрашивал их о том, что они чувствуют во время использования Ока в различных режимах, это подобно далекому гулу толпы, в котором невозможно разобрать ни слова.

– Чтото сегодня все какиеето нервные, – тихо сказала сестре Адикия.

– Да нет, вроде как обычно.

– У тебя чувствительность просто как у бревна!

– Заткнись, – в этот момент они уже стояли у дверей в кабинет Анны.

Астрея постучалась и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь. За ней в кабинет Прайс вошла и Адикия, аккуратно прикрыв за собой дверь. Внутри их ждали двое: сама доктор Прайс и какойто тощий мужчина в креслекаталке. Одет он был в больничную рубашку на голое тело и тапочки. Сестры удивились присутствию постороннего, тем более не врача, но виду не подали.

– А, девочки, проходите, – поприветствовала сестер Анна и жестом предложила им занять два свободных кресла. – Васто мы и ждали.

Пока сестры занимали привычные им места в просторных антикварных креслах с обивкой из кожзама, Анна рылась в какихто бумагах на своем столе.

– А, черт с ними, потом заполню, – сказала доктор Прайс сама себе и подняла глаза на посетителей, откинувшись на спинку стула.

– Нус, перед тем как мы начнем, я бы хотела познакомить вас с коекем, – сказала Прайс. – Астрея, Адикия, это – Деймос. Доктор Ивор утвердил его третьим в вашу группу, прошу любить и жаловать.

Девушки уставились на Деймоса в попытке переварить услышанное.

– Чтото он ужаса не внушает, – с нотками язвительности заметила Астрея. – Только жалость и...

Она осеклась, когда заметила, как напряглись скулы Деймоса и сжались кулаки от ее слов. Хорошее начало для длительной и продуктивной совместной работы.

– Астрея, выбирай слова. Деймосу пока сложно говорить и ходить, но мы почти закончили программу восстановления. Через пару недель он будет уже полностью дееспособен, – сказала Анна и неодобрительно посмотрела на старшую из сестер. – Тем более по предварительным расчетам у него огромный потенциал.

В кабинете повисла тишина. Деймос с интересом рассматривал сестер, двух невысоких и хрупких на вид брюнеток, у одной из которых была разбита бровь, сестры изучали Деймоса, а Анна наблюдала за всем этим. Если бы в этот момент в кабинете оказался фанат вестернов, то он бы заметил, что для полноты картины этой четверке не хватает шляп, стола для покера, револьверов, направленных в лицо друг другу, и перекатипполя за окном. Первой «опустила ствол» Адикия:

– Рада познакомиться, Деймос. Меня зовут Адикия, а вот эта раненая – моя сестра, Астрея.

Деймос слегка улыбнулся, но взгляд оставался тяжелым и внимательным.

– Вот и славно, – попыталась разрядить обстановку Анна, – надеюсь, вы сработаетесь.

Все трое молча кивнули в знак согласия с ее словами.

– Ладно, девочки. Я пока пообщаюсь с Деймосом, зайдите гдето через час.

Сестры встали со своих мест, попрощались с Анной и вышли за дверь. Уже отойдя от кабинета на приличное расстояние, Адикия спросила у сестры:

– Ты не заметила ничего необычного?

– Может быть, – ответила ей Астрея.

– Я его не слышала, ну, ты понимаешь. Вообще, тишина.

– Да.

– Обычно я знаю, сколько людей в помещении, я слышу отголоски их мыслей, ну или хотя бы эмоций, а тут... С этим Деймосом... – Адикия не закончила мысль, но этого и не было нужно.

– Да, – повторила Астрея. – Очень странно, что мы его не слышим.

* * *

Время слилось для Деймоса в один очень и очень долгий день. Память о какихто бытовых и обыденных вещах восстановилась, но на месте знаний о том, кто он такой, все так же зияла дыра. Деймос очень надеялся, что и этот пробел его мозг сможет восполнить. Еще его начали накачивать какимито препаратами, от которых болело абсолютно все тело. Доктор Ивор сказал, что это одна из разработок его команды, ускоряющая метаболизм и рост мышечной массы, так необходимой сейчас Деймосу. Обычно эту дрянь использовали в специальных армейских подразделениях, но, по всей видимости, ученые решили поставить его на ноги как можно быст-

рее. Мужчина был этому рад. Уже через неделю он смог пройти на костылях по своей палате из одного конца в другой, а еще через полторы и вовсе передвигаться без них.

С сестрами Астреей и Адикией он виделся все чаще. Не сказать, что они были рады его компании, но, по словам доктора Прайс, им нужно было познакомиться поближе. Поведение девушек иногда обескураживало Деймоса: Астрея была всегда груба с ним, хотя, по словам той же доктора Прайс, именно она отличалась стальной выдержкой. Адикия же, наоборот, замыкалась в себе и всячески его игнорировала, если была возможность. Будь Деймос немного проницательнее, то смог бы понять, что в его присутствии сестры начинали нервничать.

Но сегодняшний день был, по словам доктора Ивора, особенным. В предвкушении новой порции информации Деймосу даже начало казаться, что мышцы болят меньше обычного, хотя прием лекарств он не пропускал. Кто по доброй воле пропустит то, что делает тебя сильнее, пока ты спишь?

Пока он рассматривал себя в зеркало, удивляясь, как умудрился за столь короткий срок набрать не меньше пятнадцати килограммов, лежа в постели фактически без движения, час икс приближался. Скоро должен был прийти доктор Ивор. Проведя еще некоторое время в созерцании себя – лицо человека, отражавшееся в зеркале, все еще было ему незнакомо, – Деймос начал одеваться.

Сбросив больничную рубашку, он натянул на себя белье, штаны, черную армейскую футболку и надел ботинки. Все это принесла утром его сиделка, Пенни. Толком рассказать Деймосу она ничего не смогла, только то, что ему нужно быть одетым и готовым к выходу к полудню. Также она попробовала предложить ему воспользоваться кресломкаталкой, но оно настолько опостылело Деймосу, что он тотчас отказался. Во время сборов, которые его слегка вымотали, он успел несколько раз пожалеть об этом своем решении, так как не знал, далеко ли нужно будет идти на своих двоих, и не был уверен, справится ли он с этим небольшим путешествием по коридорам лаборатории. Меньше всего ему хотелось рухнуть на землю в присутствии Ивора или, того хуже, Анны Прайс.

Наличие инородного тела в своей шее он заметил сразу же, как только смог эту шею ощупать. Во время одного из обходов, доктор Ивор объяснил ему, что туда вживлено специальное устройство, которое между собой ученые называют модулем «Ока». Сам модуль прикрыт эластичными прочными пластинами, покрывающими его как чешуя, так что тереть шею можно без опаски. Еще Ивор сказал, что пластины могут выдержать даже пистолетный выстрел в упор, но проверять это в реальной обстановке не стоит. К слову, Деймос и не рвался.

В назначенное время дверь в палату открылась и вошел доктор Ивор. Он удовлетворенно хмыкнул, когда увидел, как бодро встал с койки его подопечный. Хирург предложил Деймосу следовать за ним, и они отправились в путь к кабинету ученого по коридорам лаборатории.

Когда они вошли внутрь, Ивор жестом указал Деймосу присесть, а сам занялся поисками чего-то на рабочем столе. Через некоторое время хирург извлек из бумажных завалов синюю папку, заглянул внутрь, полистал содержимое и внезапно протянул ее мужчине.

– Держи, ознакомишься на досуге.

– Что это? – спросил Деймос ученого.

– Документация по проекту «Око» для участников программы, то есть для тебя, – Ивор слегка подался вперед, внимательно наблюдая за реакцией Деймоса. – Там, в этой папке, ты найдешь ответы на многие вопросы.

– Хорошо, – сказал Деймос. – Астрея и Адикия тоже участники проекта, так?

– Именно. А еще твои напарницы. Схема вашего взаимодействия в общих чертах описана там, – Ивор указал взглядом на папку.

– А если мне не понравится то, что я там прочитаю?

– Поверь мне, понравится, – с улыбкой ответил старый ученый.

– Это тот самый «важный момент», о котором мне говорили, да?

– Да, это он, – Ивор откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее. – Понимание того, кем и чем ты сейчас являешься, придет с прочтением этих документов, а это очень важно. Если хочешь, можешь приступить прямо сейчас, остаток дня я свободен и готов ответить на все твои вопросы.

Деймос уставился на пухлую папку у себя в руках. Он ждал этого момента почти два месяца, с тех пор, как очнулся в своей палате, но теперь не был уверен, что хочет знать, что там внутри. Собравшись с духом, он ответил Ивору:

– Да, было бы просто супер. Я начну?

Не дожидаясь, что скажет хирург, Деймос открыл папку и погрузился в чтение.

Глава 4

Оливер опять шел по ночным улицам Гетто. То, что рассказал ему Мелкий, не требовало долгого осмысления. Он торопился оказаться подальше от опасных улиц столичного пригорода. Пройдя с десятков кварталов, мужчина вышел к своему району, где с переменным успехом жил последние пару лет. До пункта назначения он добрался, только когда уже светало. Свернув в одну из подворотен, Оливер вошел в многоэтажное здание, поднялся на второй этаж и наконецто оказался в квартире, которую называл своей.

Первое, что было необходимо сделать, – извлечь запасы, оружие и вообще собрать нехитрый скарб. Из Гетто пора было валить, потому что появление Командира сулило только одно – ему придется вернуться в строй.

Оливер взял обломок трубы, который стоял у изголовья матраса, и несколькими короткими, но сильными ударами выбил часть кирпичей из стены. В свое время он дорого заплатил старому каменщику за то, чтобы она выглядела так, будто бы еще со времен революции эту стену никто не трогал. Еще больше пришлось вывалить за его молчание, потому что потихому придушить старика было нельзя – слишком заметный человек со множеством клиентов. Рано или поздно его хозяевабригадники сложили бы два и два и нашли незадачливого убийцу.

Сбросив остатки кирпича концом трубы на пол, Оливер извлек из схрона старый, но крепкий армейский рюкзак, берцы, походный набор одежды, плечевые кобуры и два допотопных, но аккуратно промасленных и завернутых в ветошь глока. Как показала практика, девятимиллиметровые патроны все еще проще купить или выменять, чем высокотехнологичные магазины современных пистолетовпулеметов, а полная броня или хотя бы каски у оборванцев из числа свободных банд встречаются редко. Да и с простреленной ногой, а тем паче головой сложно когото догнать и ограбить.

Оливер аккуратно положил свои пожитки на матрац, сбросил растоптанные и местами порванные ботинки на пол и сел наматывать чистые портянки, извлеченные из недр сумки. Когда он уже дошнуровывал ботинки, дверь в комнату резко и со скрипом открылась. На пороге стоял Мелкий на пару с какимто верзилой. Глаза барыги бегали, и как только дверь окончательно распахнулась, он поспешил юркнуть за спину здоровяку, держащему в руках обрез.

– Здравова, Олли! – изза спины мужика сразу же заговорил Мелкий. – Ты извиняй, но Томми платит больше пары стакашек.

– С бригадником приперся?

Оливер бросил взгляд на заряженные и аккуратно лежащие на ветоши глоки, которые уже пару минут как были готовы отправиться в кобуры. Слишком далеко. И даже если он успеет до них дотянуться, обрез в руках здоровяка не оставлял ему шансов, а умирать настолько глупо Оливеру не хотелось.

– Ты, эт, не дергайся, – Мелкий провел параллель между взглядом и глоками и оценил сложившуюся ситуацию. – Этот парень хоть и молчаливый, но нервный слегонца, не усугубляй. И эт, слыш, Томми, того, перетереть хочет.

– Чего от меня Бригадиру надото? – Оливер вполне удачно изобразил на лице изумление.

– Да ты и сам знаешь, – Мелкий потер нос и продолжил. – Олли, давай, вставай. Пожитки твои я заберу, и потопаем потиху, без приключений. Мне, это, не надо приключений, ок? Перетрешь с Томми, и там уж сами решайте, лады?

Выхода не было. Если бы в дверях стоял только Мелкий, то Оливер попробовал бы взять его на реакцию и рвануть через матрац к пистолетам, а там уже посмотрели бы, кто точнее. Но в дверях стоял один из цепных псов бригады с обрезом в руках. На дистанции в пять метров зона поражения была слишком велика, и спрятаться от выстрела ему было банально негде.

– Только обуться дай, – Оливер аккуратно дошнуровал ботинок и потянулся за курткой.
– Э, стоять, – впервые подал голос здоровяк. – В угол отошел. Мелкий карманы проверит, потом наденешь.

Оливер, пятясь под дулом обреза, отошел в противоположный угол комнаты. Мелкий юркнул под стволом здоровяка и прохлопал куртку на наличие оружия, извлек из левого кармана самодельный свинцовый кастет и, не найдя больше ничего опасного, сказал:

– Норм все. Эй, Олли, я шмотки твои в сумку закину, потом вернут, ок? – не дожидаясь ответа, он начал забрасывать пожитки Оливера в рюкзак.

– Здоровяк, – обратился к бригаднику Оливер, – да, ты. Слушай, смотри, чтобы этот, – он кивнул на Мелкого, – не умыкнул у меня чего. Я так понял, твой босс не мочить меня собирается.

– Рот закрой и лапы повыше подними, – ответил Оливеру бригадник.

– Тишетише. Мое дело предупредить. Если упрет чего, я его сам завалю, – Оливера все это уже начало порядком бесить.

Мелкий достаточно быстро закончил сборы и вроде даже ничего не присвоил себе. Затянув горловину рюкзака, он с трудом закинул его себе на плечо и бросил Оливеру его куртку.

– После вас, сээр, – протянул Мелкий, указывая рукой на дверь, а другой, доставая больше для уверенности, чем из готовности стрелять, револьвер. – Не будем заставлять Томми ждать, сээр.

На протяжении всего пути в штаб бригады верзила держал его на мушке, что полностью исключало возможность побега. Когда они проходили мимо ближайшего КПП², к ним присоединилось еще двое конвоиров: один шел рядом со здоровяком, а второй – перед Оливером. Дойдя до самого центра охраняемой территории, Оливер и компания вошли в невзрачное четырехэтажное здание и начали спускаться вниз. Томми предпочитал держать штаб под землей, что было местами глупо и самоуверенно: прорвись войска к бункеру – и он вместе со своими приближенными превратился бы в загнанных в угол крыс. Загнанных и обреченных подвальных крыс.

Оливера провели узкими коридорами в одну из комнат, по всей видимости, в зал для совещаний или кабинет Бригадира. Там его уже ждали Томми и его права рука – Сиплый Джо.

Сиплый Джо разительно отличался от своего патрона. Природа не наделила его физической мощью, присущей Томми, но наградила острым умом. В тощем, костлявом теле уже молодого бригадника скрывалась весьма опасная личность талантливого стратега. Джо своим видом не внушал животного страха и, наверное, по этой причине предпочитал оставаться правой рукой своего бригадира и действовать от его лица – никто не хотел сердить Томми.

Оливера усадили на сколоченный коекак табурет, и весь конвой, кроме Мелкого, вышел за дверь.

Бригадир окинул взглядом своего «гостя». Поиграв огромными мышцами на руках, он встал со стула, подошел к Оливеру и резко замахнулся. Тот ожидал, что его будут бить, но только удивился, что так быстро и без разговоров. Томми в последний момент остановил удар и поправил ворот куртки Оливера, похлопав того по плечу своей ручищей.

– Смотри, с яйцами. Точно он, – Бригадир отвернулся от Оливера. – Мелкий, верни ему рюкзак.

– Э, босс, там это, стволы внутри... – начал было Мелкий.

– Я кому сказал, верни! И вали давай, расчет у старшего смены получишь, – рыкнул на Мелкого Томми.

---

² КПП – контрольнопропускной пункт.

Сиплый Джо пока не встречал и только наблюдал за происходящим из угла комнаты. Томми проконтролировал взглядом уход Мелкого, а потом повернулся к Оливеру и спросил в лоб:

- Пить будешь?
- Да, – не растерялся Оливер.
- Виски, само собой?
- Если есть.

Томми хмыкнул себе под нос и подошел к шкафу у стены. Открыв его, он взял два стакана, извлек пыльную бутылку. Удовлетворившись надписью на этикетке, он одним движением открыл пробку.

– Односолодовый, еще довоенный. Предпоследняя, если что, – Томми плеснул по полстакана, вернулся к Оливеру и протянул ему виски. – Сиплый не пьет, трезвенник. А ты на, держи, воды сам долъешь, вон посуда, – Томми кивнул головой в сторону стола, на котором стоял пошарпанный походный котелок.

Оливер, осознавая, что отказываться или брыкаться смысла нет, решил насладиться напитком. Он понюхал содержимое стакана и понял, что даже если это и последний его день, то он далеко не самый худший в его жизни. Пригубив и посмаковав виски, он залпом выпил половину налитого ему и почувствовал, как мягкий горячий шар опускается в желудок. В другой ситуации он решил бы, что вот теперь же можно и умереть, но сейчас это выглядело бы слишком буквально. Подождав, пока первая порция уляжется, он поднялся с табурета, подошел со стаканом к столу и плеснул немного воды. В это время Томми с долей одобрения во взгляде наблюдал за его действиями.

– И правда, стальные яйца. Как у себя дома, – Томми громко засмеялся. – Ну что же, Оливер Стил, поговорим? – уже серьезно продолжил он.

– Легко.

Ему было уже все равно. Оливер понял, что давно был под колпаком Томми, возможно, с того самого дня, как его, Стального Генерала, нога ступила на землю Гетто. Он ненавидел это прозвище, оно казалось ему глупым и неуместным, но ничего с этим поделать не мог.

– Тебя же за выдержку Стальным прозвали, да? – спросил Бригадир.

– За фамилию.

– Хорошая шутка.

– А может и не шутка, – с усмешкой ответил Оливер. – Но лучше зови меня по имени.

Я в отставке.

– Которую ты сам себе и устроил.

– Именно.

– Из сопротивления не уходят по собственному желанию. А такие как ты – только ногами вперед, – заметил Томми.

– Как видишь, уходят и на своих двоих.

– Командир искал тебя, Оливер. По всей стране клич бросил.

– Я знаю.

– И он в городе.

Оливер молча отхлебнул из стакана. Букет виски был настолько изумителен, что даже этот разговор не мог его испортить.

– Так Мелкий не врал?

– Мелкий та еще шкура, но барыжит честно что «пылью», что шлюхами, что информацией, – Томми поудобнее устроился на стуле, – иначе не прожил бы так долго.

– Так чего вам от меня нужно, парни?

В этот момент Сиплый Джо зашевелился в своем углу и впервые заговорил:

– Все просто. Мы тут ситуацию тебе прояснить хотим, Стальной Генерал, – Оливер поморщился от упоминания своего прозвища, а Джо встал со стула и начал медленно вышагивать по комнате. – Смотри. Ты у нас два года под носом сидел, а поняли, кто именно, мы только в последние месяцы. Прознай раньше – были бы в почете у Командира, а так за нами косяк. Конечно, за тобой присматривали, но, что к нам сам Оливер Стил нагрязнул, даже и не думали. Вот кто будет прятаться на виду?

– Тот, кто не хочет, чтобы его нашли, – ответил Оливер.

– Ну вот, я так тоже подумал. И отправил тебе весточку с Мелким. Реакция была поразительная, как подарок прям. Сразу же запетлял в переулках, а потом побежал собирать манатки, – Джо остановился у одной из стен и резко повернулся к Оливеру. – Мы накосячили, Оливер, но и ты в говне по самые уши. Поэтому, будь добр, сделай, что от тебя хочет Командир, и мы все останемся целы. Ты сам должен понимать, что пути у тебя только два. И второй тебя точно не устраивает.

– Когда я с ним увижусь?

– Ты не будешь брыкаться? Если будешь, то нам проще снести тебе голову из обреза прямо сейчас, сказать, что обознались, авось пронесет. Но мы надеемся, что у тебя есть мозги, – Джо внимательно смотрел на Оливера. – Это я уговорил Томми не мочить тебя сразу, а сперва поговорить. Ты не последний человек в сопротивлении, во всяком случае, был не последним. Идиоты так высоко не забираются. А тут пахнет жареным. Для всех в этой комнате.

– И на том спасибо, что без рукоприкладства, – Оливер потянулся на табурете и хлебнул еще немного виски. – Я жить хочу, так что ты правильно рассудил.

– Хорошо. Допивай и пойдем.

– Можно хоть не торопиться?

– С довоенным виски Томми и торопиться? Он нам головы открутит, – усмехнулся Джо и посмотрел на своего патрона. – Да, Томми?

– Само собой, – ответил Бригадир. – Посидим немного и пойдем. Заодно подумай, что главному скажешь.

Спустя десять минут Оливер покончил с остатками виски, встал, взял лежащий на земле рюкзак и протянул его подошедшему Джо:

– Можешь присмотреть? Не думаю, что вы пустите меня к Командиру с оружием, пусть и в сумке.

– Правильно думаешь, – ответил Джо. – Цела будет твоя котомка, пойдем.

Втроем они вышли из комнаты: сначала Томми, следом за ним Оливер, замыкал процессию Джо. Последний, как и обещал, сам нес в руках пожитки беглеца, не доверяя груз комуто еще.

«Смотрите, какие обходительные. Значит, мы реально все по уши в дерьме», – подумал Оливер. Немного поплутав по коридорам подвала, они вышли к еще одной двери. Томми сам открыл ее и жестом предложил Оливеру войти.

– Аа, Томми. Привели голубчика? – голос принадлежал Командиру, крупному, поджарому, уже полностью седому старику, сидящему за небольшим письменным столом в полутемной канцелярской комнатке. Возможно, когда-то он и был красив, но время и тяготы партизанской жизни наложили на него свой отпечаток. Обветренную морщинистую кожу лица пересекала на левой щеке пара шрамов. Острый, длинный, когда-то сломанный и неправильно сросшийся нос, тусклые глубоко посаженные серые глаза. – Здравствуй, Оливер! Томми, иди, дальше я сам.

Оливер остановился сразу за дверью, которую закрыл за его спиной бригадир Гетто. Он смотрел на старика в кресле и пытался понять, что тот задумал. Командир сопротивления, лидер партизан, вождь революционных сил (как только его не называли!) тоже молчал. Спустя очень долгие для Оливера двадцатьтридцать секунд он вновь заговорил:

– Присаживайся, друг мой, присаживайся. Нам много о чем нужно поговорить, – Командир не сводил глаз с Оливера. – А ты выглядишь еще моложе, чем раньше, даже тридцать пять не дашь. Спокойная жизнь пошла на пользу, да?

– Жизнь в столичном Гетто сложно назвать спокойной.

– Все же проще, чем на передовой?

– Само собой. Сравнил.

– Почему, Оливер? Женщина? Жажда свободы? Почему?

Старик выглядел расстроенным. Оливер ожидал от него любой реакции. Гнева, презрения, ненависти, но не огорчения.

– Я устал, Мэтт, – ответил он старику.

– Устал? Что значит устал? Я бы мог понять женщину и семью, Оливер, желание умереть от передоза «пылью» или спиться, но усталость? – Командир говорил с каждым словом все громче. – Устал, Оливер? Скольких парней ты вел за собой, скольких отправил на самоубийственные задания? Оливер! Как смеешь ты говорить об усталости?

Он сделал короткую паузу и продолжил:

– Мы посвятили свою жизнь борьбе, и, если ты забыл, ты мне должен.

– А мне кажется, что со всеми долгами тебе я уже расплатился. Годами своей жизни расплатился, – парировал Оливер.

Старик, услышав его слова, сжал зубы и прошипел:

– Я создал тебя, Оливер. Уже в двадцать пять ты стал членом штаба, самым молодым. Многие в твоём возрасте тогда гнили с оружием в руках на передовой, а ты трахал девок и изредка выезжал в рейды.

– Ты прекрасно знаешь, насколько сложно отправлять людей на смерть! – Оливер еле сдержался и почти сорвался на крик. – Знаешь, сколько умерло по моей вине? Изза моих ошибок и решений? Я перестал считать на третьей тысяче, Мэтт! И если ты можешь спокойно спать по ночам, отправляя молодых мальчишек с древними карабинами в руках на смерть, то я не могу! Больше не могу! У нас нет ничего против солдат в полной амуниции! Их даже не всегда крупнокалиберные пулеметы берут, а после восстановления производства боевых дронов мы оказались в полной жопе! Нет, Мэтт, спасибо!

– То есть ты, когда прижало, решил сбежать, да, Оливер? Бросить этих неопытных мальчишек, бросить боевых товарищей, отказаться от всего, во что верил, и закончить свою жизнь с пером в боку в этом Гетто? Да? – Командир тоже начал кричать в ответ. – Да?!

– Я не хочу быть больше убийцей, Мэтт.

– Убийцей?! Ты маньяк, Оливер, ты гребаный маньяк! Напомнить, что ты сделал с обозом, идущим под конвоем в новую Столицу, лет двадцать пять назад? Когда только был принят в штаб? Сколько там было женщин и детей, Оливер?! – орал командир.

Повисла тишина.

– Три сотни человек плюс две дюжины бойцов сопровождения, – тихо ответил тот.

– Да, именно. И ты, именно ты, не я, приказал экономить патроны после того, как сопровождение было перебито. Ты и твой отряд зарезали и забили прикладами три сотни человек! Половина бойцов потом тронулась умом, а тебе хоть бы что! А теперь ты говоришь, что устал?!

– Ты не прав, Мэтт.

– В чем же?!

– Не хоть бы что.

Командир вскочил со своего кресла и подошел к Оливеру, со злобой глядя на него:

– Ах, совесть мучает? Так вот, мой друг, то, что происходит сейчас, по сравнению с тем обозом – детский лепет.

Оливер не до конца понимал, что происходит и почему обычно спокойный и рассудительный Мэтт сейчас так заведен. Единственное, что он нашелся сделать, – сложить руки в замок и уставиться на свои пальцы.

– Что ты имеешь в виду? – не поднимая головы, спросил он Мэтта.

Командир мгновенно растерял все свою воинственность и устало провел ладонью по лицу.

– Грядет война, Оливер, полномасштабная война. Опять. Именно поэтому я искал тебя последний год, но не для того, чтобы казнить как дезертира. Хотя и стоило бы подвесить тебя на столбе за яйца. Правительственные войска получили тотальное преимущество – оружие. Оружие, Оливер, с которым мы не можем справиться стандартными методами.

Мэтт вернулся в свое кресло.

– У меня только один вопрос: ты готов спасти в десятки раз больше людей, чем убил?

Слова Командира обескуражили Оливера. Уходя из сопротивления, он досконально знал, что происходит на континенте. Патовая ситуация. Никто не мог взять верх, был объявлен негласный сепаратный мир, хотя сопротивление изо всех сил подогревало недовольство простых людей.

– Я не понимаю... – начал было он.

– Просто скажи, – перебил его Мэтт, – ты готов спасти больше, чем убил?

Оливер не знал, что ответить своему старому другу и командиру. Внутри него велась борьба. Сколько себя помнил, он жил войной, насилием и убийствами, и это надломило что-то внутри него. Стальному Генералу предлагают искупление? Как? Как можно искупить то, что он делал своими руками или на что отдавал приказы?

– Хорошо. Рассказывай.

– Ты уверен, Оливер?

– Как минимум я хочу жить. А без согласия я тебе не нужен, – ответил Оливер.

– Поверь мне, друг мой, когда ты узнаешь, в чем дело, ты сам захочешь вернуться.

– Хорошо, – повторил Оливер.

Мэтт внимательно посмотрел на своего друга и ученика, а после нырнул кудато под стол. Спустя несколько секунд в его руках оказалась походная сумка, из которой он извлек несколько пухлых папок и правительственный планшет.

– Держи, – сказал Мэтт, протягивая стопку Оливеру.

– Что тут?

– Трофейная документация. Наши перехватили одного из посыльных в Столице и добыли это. Настолько важное, что даже цифровых копий, по всей видимости, толком и нет или их не отправляют по сети.

– И что это?

Мэтт ничего не ответил. Он смотрел то на Оливера, то на папки с планшетом в его руках, будто не решаясь ответить на его вопрос.

– Это материалы по секретным разработкам одного из исследовательских центров на восточной окраине Столицы. Если кратко – эксперименты над людьми и создание карательного отряда.

– Карательный отряд? Мэтт, никто не сунется в леса и горы Канады даже с целой армией. У нас там тотальное преимущество, – говоря «мы», Оливер показывал, что смирился со своим возвращением в сопротивление. – Это самоубийство.

– Именно. Вот только от этого отряда не спрятаться, – Мэтт говорил отрывисто, делая паузы между словами. – Ты не сможешь спрятаться от тех, кто залез тебе в голову.

Оливер рассмеялся.

– Ты сейчас серьезно? Вот эта кипа макулатуры, – он потряс папками, – история о том, как власти создали команду суперсолдат, убивающих взглядом? – он бросил документы на стол

перед собой. – Все это дерьмо собачье, ты головой тронулся уже со своим сопротивлением, Мэтт.

Командир поерзал в кресле и только вздохнул в ответ на тираду Оливера, будто был готов к подобной реакции.

– Оливер, когда мне принесли эти файлы, я сказал то же самое. Как и все члены штаба, – Мэтт говорил спокойно и уверенно. – А потом, друг мой, мы взломали защиту планшета, и в довесок нам пришло донесение об одном из последних рейдов на это Гетто. Ты же о нем слышал, да?

– Ты мне дерьмо то в уши не лей, старик! – Оливер начал злиться. – Вы там совсем поплавились со своей борьбой за свободу. Какие телепаты? Бригада Томми – сборище трусов и наркоманов, – он протянул руку и отодвинул документы еще дальше от себя. – Мелкий, местный барыга, затирал мне эту чушь в кабаке буквально вчера, мол, ему один из бойцов рассказал. Эти ублюдки за стакан бурбона что угодно тебе наплетут. А Томми такой отчет прислал, потому что побоялся признавать, что его серьезно потрепали бойцы регулярки, потому что вместо тренировок они тут барыжат наркотой и развлекаются с малолетними шлюхами из Столицы. Вот тебе и все телепаты, Мэтт!

– Включи планшет и посмотри видео, – спокойно ответил ему Командир, – а потом уже кричи.

Оливер недоверчиво посмотрел на Мэтта, но планшет в руки взял. Включив его, он нашел папку с видео – там лежал единственный файл. Коснувшись иконки, он запустил воспроизведение с начала и приступил к просмотру.

– Не думаю, что это что-то поменяет, – сказал он Мэтту.

– Посмотрим.

После короткой загрузки на экране планшета появилась картинка. На ней была комната, посреди которой стоял мужчина, по всей видимости, житель Гетто, если судить по исхудавшей фигуре, длинным волосам и бороде. «Скорее всего, бездомный. Бригадники выглядят более откормленными», – подумал Оливер. Мужчина стоял и смотрел в камеру, а за кадром начали говорить:

– Гхм. Запись включена. Итак. Это демонстрационное видео. В нем мы покажем, чего достигли за последние годы исследований и чего добились за счет полученного финансирования, – послышался какой-то шум и возня. – Так. Перед нами подопытный, гхм, преступник, захваченный нашими военными в ходе одного из рейдов в Гетто. С его помощью мы продемонстрируем, чего добились в рамках работы над проектом «Око». В демонстрации участвует оператор – рядовой участник программы, – голос за кадром прокашлялся. – При помощи процедур, описанных в приложенной к видео документации, мы разработали оружие нового поколения. Прошу внимания, – в этот момент голос стал чуть более приглушенным. – Оператор восемнадцать, приступайте. Инструмент на ваш выбор.

Взгляд пленника оторвался от камеры и сместился куда-то в сторону, за кадр. Если до этого мужчина переминался с ноги на ногу, чего-то ожидая, то теперь замер и, казалось, даже не дышал. В этот момент закадровый голос вернулся.

– Один из основных инстинктов любого живого существа – избежать вреда для своего организма и, соответственно, боли. Главная цель, определенная для нас эволюцией, – выживание. Но мы продвинулись настолько далеко, что теперь можем подавлять даже эти инстинкты и заставлять людей делать противоестественные для них вещи. Оператор?

В этот момент пленник резко повернулся и вышел из кадра. Менее чем через минуту он вернулся с ножом в руках.

– Еще один из базовых инстинктов – это размножение, – продолжил голос. – Как видите, у подопытного в руках нож. Сейчас он самостоятельно нанесет себе увечье. Начинаем!

Как голос замолк, секунд десять ничего не происходило. Потом пленник дернулся и начал спускать штаны. После он схватил себя за пенис и внезапно несколькими резкими движениями отрезал его ножом, который держал в руках. Хлынула кровь, быстро заливая ноги бедняги, пропитывая спущенные штаны и собираясь в лужу перед ним. Он не двигался, так и стоял: в одной руке нож, в другой отрезанный им же член.

– Продолжайте, пока не сказалась потеря крови, – сказал голос.

Пленник вновь дернулся и разжал руку, в которой держал отрезанный орган. Тот ошметком упал на пол, а сам подопытный тем временем уже резал себе мошонку. Через несколько минут у его ног собралась большая лужа крови, беднягу стало шатать, и он рухнул на пол, так и не выпустив из окровавленных пальцев то, что делало его мужчиной.

– Подопытный потерял сознание изза значительной кровопотери. Как видите, все приказы, данные ему участником нашей программы, он выполнял беспрекословно, – продолжал тем временем человек за кадром.

Оливер быстро пролистал остаток видео и увидел еще несколько извращенных казней. В одной мужчина отрезал себе пилой руку, в другой – вогнал спицу в глаз. Пленники калечили сами себя: выбивали зубы молотком, вскрывали сами себе животы. Все это сопровождалось хладнокровными комментариями закадрового голоса. Но одно во всем этом было неизменно – полная отрешенность несчастных и никаких колебаний. Дойдя почти до конца, он опять услышал уже знакомый голос ведущего:

– При всех преимуществах проекта «Око» у него есть один недостаток: рядовые участники программы – операторы – способны взять под полный контроль человека либо при прямом визуальном контакте, либо, когда контакт отсутствует, если примерно известно местоположение объекта, – группой в дватри человека на расстоянии не более сотни метров. Однако у нас есть два экземпляра, полевые испытания которых намечены на ближайшее время в составе армейских рейдов в Гетто. Надеемся, с ними мы выйдем на качественно новый уровень.

Видео закончилось. В комнате воцарилась тишина. Мэтт наблюдал за реакцией Оливера и не встревал, позволяя ему осмыслить происходящее.

– Сколько у нас времени? – наконецто спросил Оливер Мэтта.

– Они уже провели испытания своих экземпляров, о них тебе рассказал Мелкий в баре, – сказал Мэтт. – Насколько нам известно – это две девушки в сопровождении конвоя в полной амуниции. Ближе чем на двести метров к местам столкновений они не подходили, но и этого хватило, чтобы по Гетто прокатилась волна убийств и самоубийств. Оливер, парни просто поднимали стволы и сносили себе головы, стреляли в спину товарищам. Потери бригады Томми чудовищны. А девчонок было всего две.

Оливер замолк. Обдумывая что-то, он смотрел на папки с документами, а после спросил у Мэтта:

– А там что?

– О, друг мой, там есть форменные записки старины Менгеле.

– Кого? – не понял Оливер.

Мэтт тяжело вздохнул и ответил:

– Йозеф Менгеле... Ай, не важно. Твое поколение уже этого не знает. Не важно. Возьми почитай, вторая папка.

Оливер, немного подумав, взял предложенную Мэттом самую пухлую папку из стопки и открыл на первой странице.

– Начало можешь пролистать, сейчас важнее, чтобы ты вник в суть, – сказал Мэтт. – Начни где-то с восьмой страницы, ближе к тысячному дню, там конец перевода записей.

Оливер пролистал до указанного места – оно оказалось чуть дальше, на одиннадцатой странице, и начал читать:

«День 975

Сегодня покончил с собой еще один сотрудник НИИ из тех, кто рискнул остаться. Еще одно тело отправилось в крематорий. Я не смею их винить – тех, кто сбежал, бросив коллег бороться с тем, что мы все вместе создали, они все сделали правильно. лейтенант Шукин, как я упоминал ранее, застрелился из табельного пистолета еще два месяца назад. Его бойцы в раздразе, большая часть дезертировала. Из министерства пришла весточка, что скоро придет замена с внутренней проверкой, но спустя неделю ожидания ничего не изменилось.

Мне самому постоянно снятся кошмары, но я стараюсь держать себя в руках. Надо было позволить лейтенанту пристрелить подопытного сорок семь, когда он об этом просил. Я планирую с несколькими сотрудниками забаррикадировать дверь в подвал, на всякий случай. Сил сорок седьмого недостаточно, чтобы сломать стену или вынести дверь, но он может попробовать вскрыть замок изнутри – отмычки ему не нужны.

День 984

Еще один суицид, дело уже привычное. Тело мы оставили в морге – ни у кого нет сил вывезти его в крематорий. Тяжелый сон сменяется еще более тяжелыми периодами бодрствования. Я дезориентирован. Постоянно мерещится какаято чушь. Мне кажется, он с нами играет, и чем больше он проводит времени взаперти, там, в подвале, тем безумнее и сильнее становится.

Глава 5

– Э, привет, принцесса! – труп оскалился в жуткой ухмылке. – Поспать вздумал? Хрена! Будем веселиться!

– Ну ты и мудак, – ответил ему Деймос, сидя на поваленном, не сильно обгоревшем стволе дерева.

Спустя несколько месяцев труп из его снов стал выглядеть лучше. У него появились глаза и обгоревшие, но все же губы, затянулась дыра в горле и даже местами появились волосы на голове. Изменения произошли и в одежде: сейчас на нем была чистая рубашка цвета хаки с подвернутыми рукавами, такие же штаны и черные ботинки. Теперь он был больше похож на человека с обширными ожогами тела, но на человека, а не на живого мертвеца. Плод воображения Деймоса не только похорошел, но и стал теперь более активным и разговорчивым.

– Я и так не высыпаюсь, а ты тут концерты устраиваешь.

– Ну же, принцесса! – труп, все так же ухмыляясь, пританцовывал, стоя на месте. – Мы будем вместе навсегда! Навсегда! Навсегда! Мы станем лучшими друзьями, моя принцесса!

– Заткнись.

– Приинцееессааа!!! Приииинцееессаааааа!!! – как ни в чем не бывало продолжил завывать труп. – Мыыы будееем вместе наааавсегдааа! Принцееееессааа! Моя мииилааа-аяаяя принцееееессааа!!!

Деймос устало потер виски и с недоумением посмотрел на труп. И как это понимать? Единственное, что приходит на ум, – со временем его начало плавить, ведь этот вой – его собственное сознание.

– Может, ты заткнешься?

– Неа.

– Уверен?

– Ага, уверен.

– И почему это я вдруг стал принцессой?

– Потому что ты тряпка, Деймос, – внезапно серьезно ответил труп и так же внезапно опять взвыл. – Приииинцеееесссааа, пора встааааавааааать!

В этот момент Деймос проснулся и резко сел на постели. Эти ночные встречи его изрядно выматывали. В последние недели, где бы он ни прикорнул, настырный покойник преследовал его. Ему редко удавалось поспать без сновидений, в основном в те дни, когда у него был спарринг с одной из сестер.

– Доброе утро, Деймос!

– Доброе... – в этот момент он повернулся посмотреть на человека, обращавшегося к нему, чтобы поприветствовать по имени. От увиденного Деймос потерял дар речи.

– Что такое? – оскалился труп. – Ты не рад мне?

– Твоюто...

– Нет, твою, – труп сидел на стуле у стены и лениво рассматривал обгоревшие пальцы на правой руке, будто бы у него там были ногти. – Знаешь, принцесса, мне стало скучно, вот я и подумал, что мы сможем отлично повеселиться тут, в реальности.

Деймос был в шоке. Одно дело, когда он сталкивается с собственным подсознанием во сне, но совершенно другое – когда подсознание материализуется в реальности. А реально ли вообще все это? Может, он до сих пор спит? Деймос влепил себе ощутимую пощечину и несколько раз ущипнул за руку. Ощущения, к сожалению, были вполне реальными: челюсть ныла, как и места щипков. А труп никуда не делся.

– Не старайся, мужик, не выйдет ничего, – труп лениво зевнул. – Ты не спишь, я тут и никуда уходить не собираюсь. И не забывай: все, что ты думаешь, я знаю. Я же часть тебя, моя милая принцесса.

– Да, хреново быть мной, – ответил Деймос.

– И не говори. А знаешь, что будет самым забавным? Наблюдать, как ты будешь пытаться не спалиться, что у тебя окончательно поехала крыша, – труп наклонил голову сначала в одну сторону, потом в другую, разглядывая Деймоса, будто собака. – Оптические галлюцины, старик! Да твоя кровля дала конкретную течь! Ох, а как огорчится этот старый пердун Ивор, если узнает! А что скажет милашка Анна? Ммм?

Покойник был прав: если это не сон и у Деймоса начались галлюцинации, то он в полном дерьме. Если он спалится, то будет, без сомнений, списан в брак. Тут даже на позицию оператора надеяться не стоит. А что последует за списанием и что именно это самое списание подразумевает, Деймос не хотел даже думать.

– Ой, ну ладно, озвучу за тебя, моя милая принцесса, – весело продолжил труп, пока его создатель сидел в ступоре на кровати. – Тебя усыпят, как бешеную собаку. Или пристрелят. Или извлекут модуль «Ока» и выжгут мозги электрошоком. Но дешевле все же пристрелить, – в этот момент труп исчез и через секунду появился прямо перед Деймосом. На нем была одета форма охранника центра, а в руках он держал пистолет. Труп навел оружие Деймоса, оперев ему ствол промеж глаз.

– Бам!!! – заорал труп, а в следующий момент в комнате прогремел выстрел.

Деймос дернулся назад и ощутимо приложился затылком об стену. Он мог поклясться, что ощутил острую боль в том месте, куда было прислонено дуло пистолета, услышал выстрел и почувствовал запах пороховых газов. Рефлекторно схватившись за голову, он начал ощупывать место «ранения». С ужасом для себя под пальцами он ощутил липкую горячую кровь, струйками стекающую вниз и заливающую глаза. Труп хохотал.

– Да, детка! Да! Каково быть списанным в утиль, принцесса? Как ощущения? – он продолжал истерично хохотать, размахивая пистолетом перед лицом собственного хозяина. – Клянись всеми богами, это был бы для тебя лучший исход, мразь! Но я не могу тебя убить, – теперь он говорил тихо и спокойно. – Зато я поразвлекусь с тобой вволю, принцесса. Теперь ты моя сучка, понял?

Кровь внезапно пропала, как и боль. На месте аккуратного отверстия в черепе опять была кожа. Деймос закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул и ответил:

– Пошел ты... Ты лишь часть моего сознания.

Когда он открыл глаза, в комнате уже никого не было.

Это было очень плохо. Появление галлюцинаций, тем более таких агрессивных, не сулило ничего хорошего. Теперь ему придется быть максимально внимательным к тому, что происходит вокруг. Если хоть кто-то узнает о его проблеме, ему крышка.

– Ты думал, что так легко от меня отделался? – голова трупа появилась изпод кровати, а на его лице была все та же мерзкая ухмылка. – Хрена тебе, принцесса! Теперь мы вместе навсегда.

Этот и последующие дни обещали быть очень и очень долгими.

* * *

Настало утро. Гетто, которое никогда толком и не засыпало, оживилось. Караульные бригады на КПП сдавали свои посты сменщикам, ночные патрули возвращались на базу. Еще перед приездом Мэтта после последнего рейда Томми перевел Гетто на военное положение. Его бригада потеряла огромное число бойцов, но все еще была способна контролировать столичный пригород. Старик ввел Бригадира в курс дела и пообещал выслать подкрепление

из нескольких городов, находящихся под контролем сопротивления. Пока же им придется обходиться собственными силами.

Оливер встал рано. Многолетняя выучка не позволяла ему валяться в кровати после восхода солнца, и он с первыми лучами уже был на тренировочной площадке, разминаясь перед маршем. Накануне они еще долго сидели с Мэттом, обсуждая детали перехода и временами предаваясь воспоминаниям. Все же, как ни противился Оливер, сопротивление было частью его жизни. Так просто все не забыть.

От старика он узнал, что к ним за время его отсутствия перешла Калифорния целиком и почти весь Север. У нового правительства не хватало ресурсов для контроля всей территории страны, и даже если бы им и удалось выбить сопротивление в канадские леса, на освобожденных землях все равно было бы некому жить. Голод и последующая гражданская война выкосили девять из десяти жителей континента.

Он вздрогнул, вспомнив о революции и последующей затяжной войне. В то время государства мира одно за другим исчезали в горниле войн. Его отец каждый раз, смотря новости, только тяжело вздыхал и говорил: «Нам повезло, Олли, тут войны не было почти три сотни лет! Все тут будет спокойно». Отец ошибался и погиб глупо – стоя в очереди за крупой.

«Полкило в руки по рабочей карте!» – Оливер как сейчас помнил эти выкрики солдат, держащих толпу на прицеле. Каждый раз отец возвращался, иногда ни с чем, но живой. Кроме последнего. Подобный случай на тот момент был уже далеко не первым. Кто-то ломанулся без очереди, началась давка, паника, и солдаты открыли огонь на поражение. Будучи тогда еще ребенком, Оливер решил, что с подобной властью не хочет иметь ничего общего.

Дальше было хуже.

Он наблюдал, как люди гибли от болезней, выпущенных то ли случайно, то ли намеренно из закрытых лабораторий. Чума, штаммы гриппа, на фоне которых испанка казалась легкой простудой, вирус Эбола, адаптированная к умеренному климату и местным насекомым малярия и еще черт знает что, сжигающее людей изнутри за считанные дни и часы. И люди гибли миллионами. Кого не убили болезни, добил голод.

Единственное, что спасло континент от превращения в безлюдную пустыню, – утилизация еще до войны ядерного вооружения, тогда уже морально устаревшего и слишком дорогостоящего в обслуживании. Хоть что-то вояки сумели сделать правильно. Но тогда Оливера это мало заботило. Вскоре после гибели отца от дизентерии умерла и его мать. Спустя лет шесть после начала войны его, уже взрослого по военным меркам, шестнадцатилетнего озлобленного бандита, завербовал Мэтт.

Вспоминая то, как он вообще попал в сопротивление, Оливер подошел к самодельному турнику и начал подтягиваться. Иногда ему казалось, что годы не властны над ним, потому что в свои сорок семь он мог дать фору любому двадцатипятилетнему. Да, он уже не был так быстр, как раньше, но постоянные тренировки помогли сохранить силу и здоровье. Еще он был благодарен предкам, среди которых не было ни лысых, ни рано седеющих. Конечно, шевелюра была уже не та, но выглядел и чувствовал себя Стальной Генерал как и десятьпятнадцать лет назад. Готовым к борьбе. Иногда, в пасмурную погоду, ныли старые раны и переломы, но в целом все было хорошо.

– Что, сила привычки покоя не дает? – к турнику в одних штанах и ботинках подошел Мэтт. – Оно, наверное, и правильно. А то у меня в штабе половина народу жиром на усиленных пайках заплыла.

– Да и ты брюшко нагулял, – ответил Оливер, не прекращая подтягиваться и стараясь не сбить дыхание. – Стареешь, Мэтт.

– Ну, мнето уже за шестьдесят, парень.

– Парнем я был лет двадцать назад.

– Для меня ты им навсегда и останешься.

Оливер через силу подтянулся последний, пятидесятый раз и спрыгнул на землю.

– Лапы поддержишь? – спросил он Мэтта.

– Давай попробую.

Еще двадцать минут прошли в молчании. Оливер закрутил руки парой тряпок и колотил по старым, порванным в нескольких местах самодельным лапам, а Мэтт старался сдержать его удары, иногда проседая под их напором. Особенно тяжело приходилось старику, когда Оливер вкладывал в них не только мышечную силу, но и свой вес.

– Бьешь как любитель, – сказал старик. – Если от такого удара увернутся, то тебе крышка.

– А если попаду, то больше не встанут, – огрызнулся Оливер и еще раз ушел всем весом в удар левой.

– Ты хоть молодняк такому не учи, тыто в рубашке родился.

– Ага, особенно когда мне чуть руку не ампутировали, – Оливер продолжал колотить лапы на руках своего наставника.

– Это давно было.

– Давай меняться.

Мэтт стянул лапы и бросил их Оливеру.

– Поделись тряпками.

Его удары были не такими мощными и быстрыми, как у Оливера, но более точными. Было заметно, что Командир знает, как закончить драку максимально быстро, но на долгое противостояние его уже не хватит. Через пять минут Мэтт опустил руки и предложил сделать перерыв. Оливер подхватил лежащую на земле флягу, и они оба пошли к обломкам стены одного из зданий, чтобы присесть.

– Знаешь, Оливер, – начал Мэтт, – все не так уж и гладко в сопротивлении.

– Оно никогда и не было гладко.

– Нет, я про последние пару лет.

– Серьезно? – усмехнулся Оливер. – Все стало еще хуже?

– Дисциплина всегда хромала. Участилось мародерство, – Мэтт наклонился вперед и положил локти на колени, – мы уподобляемся тем, с кем воюем.

– На войне не бывает правых.

– Знаешь, Оливер, – повторил Мэтт, – если бы не это донесение о новом оружии правительства, я бы, наверное, последовал твоему примеру. Ято уже на самом деле стар. Нашел бы тебя, рванули бы в Канаду, в самую глушь.

– Два мужика в лесу. Както неправильно, не находишь?

– Ну, нашли бы себе по женщине, проблема.

Оливер посмотрел на своего наставника, не веря в то, что слышит.

– Ты меня пугаешь, старик.

– Я сам себя иногда пугаю, – все так же меланхолично ответил Мэтт.

Они еще немного посидели, перевели дух и обсудили, когда будут выдвигаться к озеру Верхнее. Мэтт предложил не тянуть и выйти из Гетто с заходом солнца, обогнуть Столицу с запада, там на семидесятое шоссе и двинуть в сторону Мидлтауна. Сначала пешком, пока не пройдут Фредерик, а дальше на машине.

– Топливо найти непросто, – заметил Оливер.

– Солнце светит всегда, друг мой, – улыбнулся старик ему в ответ. – Мы перевели почти всю инфраструктуру и автопарк на солнечные батареи, благо, пара беглых инженеров смогла добраться до нас живыми. Ну а дальше дело техники.

Оливер присвистнул.

– Да неужели? Свершилось! А сколько людей ты привел с собой в Гетто?

– Двое, но мои парни ждут меня возле машины в точке сбора. Одинокий старик привлекает меньше внимания, чем вооруженная тройца, – сказал Мэтт.

– А ты рискованный.

– А то.

– Не боялся, что Томми тебя потихому пристрелит?

– Томми, может, и бык, но не дурак, во всяком случае, не настолько. Слишком много припасов, оружия и людей приходит к нему с Севера. Тут передовая, Оливер, а Томми – хороший солдат, а не интриган.

– У него есть Сиплый Джо.

– Этот тем более не пошел бы на такое. Форменное самоубийство. Без поддержки штаба Гетто сомнут за год. А с новыми разработками – за два рейда, – Мэтт нехотя встал. – Ладно, пойдем поедим и в арсенал. На днях как раз пришли поставки новых игрушек для Гетто, думаю, Томми разрешит нам прихватить парочку.

– Опять беглые инженеры? – многозначительно спросил Оливер.

– Именно, мой друг, именно.

Сборы были не слишком долгими. После завтрака мужчины зашли к Томми, чтобы Мэтт мог дать ему последние указания. Все сводилось к минимизации потерь и уклонению от прямых столкновений. Если будет необходимо, Мэтт разрешил Томми покинуть позиции в Гетто и отступить с бригадой на запад, в район Аппервилла.

– Будьте осторожны, – сказал Мэтт Томми, – они могут перебросить часть столичного гарнизона по шестьдесят шестому шоссе и зайти с западной стороны, через Парис, поэтому надолго там задерживаться не стоит.

– Понял, шеф, – ответил Томми.

– Окей, вечером мы со Стилом уходим.

– Командир, – это заговорил Сиплый Джо, – мы тут подумали, что вас с Генералом было бы неплохо проводить. Я пойду с вами и возьму своего помощника.

– Томми? – Мэтт удивленно поднял бровь, выражая свое недовольство.

– Пожалуйста, командир Мэтью, времена сейчас беспокойные. Говорят, в пригороде Дамаскуса банда появилась новая... Мародеров, – прогудел Томми. – Джо отличный следопыт и стрелок, а не какая-то штабная крыса... – Томми осекся, так как понял, что сболтнул лишнего. – Ну, это, я хотел сказать, что боец и командир он хороший, а это, посылать шушере какую... Ну, это, обычных бойцов, – с каждой фразой гигант Томми становился все краснее, а Мэтт все так же с иронией смотрел на одного из своих главных бригадиров. – Ну, это, командир Мэтью, мы, это... Короче, важный вы человек, да и Стальной Генерал тоже. Проводит вас Джо куда надо, окей?

– Хорошо, Томми, ты, это, успокойся, вон красный какой, – засмеялся Мэтт. В какой-то момент ему стало казаться, что Бригадир вовсе перестал дышать. – Я в первую очередь человек, и уже не молодой, всякое слышал, – продолжил он. – Если ты думаешь, что Джо будет нам полезен, то пусть проводит, это твоя территория.

На лице Томми появилось облегчение. В какой-то момент ему показалось, что Командир примет фразу про штабных крыс на свой счет и прикажет вздернуть его на ближайшем столбе, но старик только посмеялся и принял его предложение. Они уже вчетвером – Оливер, Мэтт, Джо и Томми – обсудили их новый маршрут и проложили его на карте. Джо и вправду хорошо знал местность и предложил в нескольких местах срезать по бездорожью, сверился со своими записями о пригородных патрулях и в целом довел маршрут почти до идеального состояния, насколько это было возможно.

После уже втроем они отправились в арсенал, а Томми остался на созванное им же совещание, чтобы оповестить старших смен о приказе Мэтта.

Арсенал представлял собой обширное подвальное помещение, бывшее когда-то, по всей видимости, подземной парковкой. Вдоль стен стояли ящики с оружием, патронами и амуницией. В старых законсервированных бочках, наполненных оружейным маслом, хранились

карабины, еще не бывшие в употреблении. Команда оружейников периодически вскрывала их для проверки, часть отправляла в бригаду, а остальное разбирала, чистила и опять консервировала в бочках до лучших времен. Джо направился к дежурному, а Мэтт и Оливер остались у входа, ожидая его.

– И что за игрушки ты отправил для Томми? – спросил Оливер.

– Хех. Сейчас увидишь, друг мой, сейчас увидишь, – загадочно ответил Мэтт.

Через пару минут Джо вернулся в сопровождении немолодого дежурного по арсеналу, и все четверо двинулись в глубь помещения. Дойдя до ничем не отличающихся от прочих ящиков, оружейник что-то сказал Джо и удалился на свой пост.

– Какойто неразговорчивый, – заметил Оливер.

– Работа у него такая, – ответил Джо. – Бойцы постоянно норовят «потерять» лишний магазин, а то и пистолет, а потом выясняется, что они неплохо бухнули и порезвились со шлюхами. Стараемся пресекать.

– Что тут у нас?

Джо перехватил фомку, которую ему выдал дежурный, и вскрыл один из ящиков. В тусклом свете потолочной лампы, предательски мерцающей и готовой вотвот перегореть, Оливер увидел несколько темносерых комбинезонов, аккуратно уложенных один на один.

– Да ты шутишь! – только и смог он сказать, глядя на Мэтта. – Это твои гостинцы для Томми?

– Ага.

– И как вы заставили их работать?

– Беглые инженеры, Оливер, беглые инженеры.

– Ты гонишь.

– Неа.

– К вам что, весь инженерный состав государственного ВПК³ свалил? – не унимался Оливер.

– Нет, – коротко ответил Мэтт. – Хватило троих.

– Матерь божья!

Джо молчал. Все трое слишком хорошо знали то, что лежало в ящиках. Армейский боевой костюм для специальных операций. Черный – для обычных солдат, серый – для офицеров и спецназа. В нем можно было без опаски уснуть на снегу, выйти под очередь автомата, а про пистолеты даже речи не шло. Вскрыть эти консервные банки можно было, только если высадить весь магазин в упор и переломать носителю половину костей уже после выковыривая его из брони чемнибудь острым. Или при помощи крупнокалиберного пулемета, в крайнем случае – забросать гранатами, но не меньше трех.

– Сколько их тут?

– Дюжина. И они полностью функциональны. С режимами усиления и интеллектуальной защиты.

– Беглые инженеры... – гнусаво протянул Оливер.

– Ага.

– Но все равно не густо. Дюжиной бойцов армию не победить.

– Гетто не единственное, где они нужны, Оливер. Фронт растянут по всей стране, – в голосе Мэтта слышались нотки раздраженности.

Джо достал три костюма и аккуратно закрыл ящик. Оливер помог опустить его на пол и добраться по указанию Мэтта до третьего в стопке, с пометкой «G». Внутри их ждали четыре универсальных армейских карабина (этому Оливер уже не удивлялся), три из которых также были извлечены наружу. Мужчины взяли с собой несколько запасных магазинов, композит-

---

³ ВПК – военнопромышленный комплекс.

ные ножи и по паре гранат. Когда выбор амуниции был окончен, Мэтт предложил разойтись по своим комнатам, собрать вещи и передохнуть.

– Встретимся в семь, возле столовой. Возьмем припасы и двинемся в путь, а пока стоит поспать.

Его спутники не возражали, и после того как все трое вышли из арсенала, каждый пошел в свою комнату.

Оливеру не спалось, сказала утренняя тренировка. Он аккуратно пересобрал свой рюкзак, чтобы освободить максимум места для припасов, с тяжелым сердцем выложил кобуры, теперь уже неактуальные глоки и смену одежды. За час до встречи он начал надевать броню на голое тело, как рассказывали бывшие солдаты.

Костюм казался слишком большим, но после того, как Оливер полностью влез в него и коснулся панели активации на плече, разрез на спине, идущий вдоль позвоночного столба, стал стягиваться наподобие молнии. Два небольших горба аккумуляторов на лопатках слегка сковывали движения, но, по мнению Оливера, это была не слишком высокая плата за использование подобной игрушки.

Он слышал много рассказов о полной армейской броне от перебежчиков, но никогда не пользовался ею сам. Все костюмы закреплялись за бойцом, и даже если удавалось взять солдата живым, броня на другом человеке работать отказывалась.

– Беглые инженеры... – процедил сквозь зубы Оливер. – Где же вы были десять лет назад, когда эти игрушки только появились?

В пустой комнате ответить на этот вопрос было некому. Слегка поерзав в стремительно сжимающемся костюме, Оливер бросил взгляд на панель на левом плече. Надо бы размерчик подогнать, а то «хозяйство» жмет. Он перевел броню в предлагаемый режим калибровки и начал, следуя появившемуся на экране сообщению, вышагивать по комнате, размахивая при этом руками, прыгать, приседать и даже отжиматься. Со стороны все это выглядело более чем забавно, но он понимал, что чем лучше костюм сядет, тем меньше будет вероятность того, что он что-то натрет себе по дороге. Только до Мидлтауна, согласно их маршруту, было почти шестьдесят миль – по пересеченной местности не меньше пяти дней пути.

Окончив калибровку, Оливер перевел костюм в режим энергосбережения с пассивной поддержкой. Пока он не на марше, не стоило высаживать аккумуляторы, а там костюм будет сам заряжаться в дороге.

В военном плане технологии ушли далеко. Когда он впервые увидел карабин нового поколения, то удивлению его не было предела: интеллектуальный коллиматорный прицел с тепловизором и дальномером, технология «свой – чужой», защита от использования посторонними, универсальные переключаемые магазины повышенной емкости... Последние модели можно было разобрать до состояния легкого пистолетапулемета, помещающегося в кармане, когда в полном сборе они весили не меньше шестисеми кило. Потом появились вот такие костюмы, а теперь, как он узнал от Мэтта, было восстановлено производство военных дронов под управлением ИИ⁴. Многие же в сопротивлении до сих пор воевали со столетними автоматами в руках, что на фоне появления боевой брони в правительственной армии было больше похоже на атаку конницы против танков: палаши наши острые, но броне сделать хоть что-то они не могут. Единственное уязвимое место нового оружия – большой объем электроники, но этот недостаток с лихвой компенсируется возможностями продукции государственного ВПК на фоне вооружения, доступного сопротивлению.

Почти семь, пора. Оливер начал одеваться. Не стоило светить полной броней на все Гетто. Он натянул штаны, обувь, набросил на плечи и застегнул куртку, надеясь, что аккумуля-

---

⁴ ИИ – искусственный интеллект.

торы не слишком сильно выпирают изпод нее. После он закинул на плечо похудевший рюкзак, вышел из комнаты и направился в сторону здания пищеблока.

У входа его уже ждали что-то обсуждающие между собой Джо и Мэтт, а чуть поодаль стоял паренек лет восемнадцати. Мужчины, как и он сам, натянули поверх брони обычную одежду, чтобы не привлекать лишнего внимания. Единственное, что выдавало всех троих, – горловина брони, выглядывающая изпод курток и плотно облегающая шею до самого основания черепа.

– Твой помощник? – спросил Оливер Джо, подойдя поближе и указав головой на паренька.

– Да, – с улыбкой ответил Сиплый Джо. – Сначала был бегунком у меня, вот теперь повысил. Его Джон зовут, тезка, – продолжал улыбаться Сиплый Джо. – Славный малый, смысленный.

– Почему он без оружия?

– У него есть пистолет и нож, а больше и не надо, – ответил за Джо Мэтт. – Он будет нашими глазами и пойдет впереди, околицей. Так что его долю пайка придется нести нам, – смеясь, добавил старик.

Оливер посмотрел на юношу. На голову ниже Оливера, тощее телосложение, короткая прическа. Видимо, время от времени бреет голову наголо. Оно и правильно. Чем короче в драке волосы, тем дольше проживешь.

– Я так понял, провизию вы получили без меня?

– Да, сходи только наполни флягу, в следующий раз набрать воды сможем, только когда до Гошен Бранч дойдем, – предупредил Сиплый Джо.

– Окей, я мигом, – ответил Оливер.

Уже через час все четверо вышли за пределы Гетто. Они управились бы и быстрее, но Джо вел их переулками, чтобы как можно меньше попадаться на глаза местным обитателям. Выйдя за пределы городской черты, они двинулись на северозапад, огибая Столицу, как и планировали ранее. В пути говорили мало. Мэтт что-то рассеяно насвистывал себе под нос, Джо сосредоточенно молчал, высматривая сигналы от своего юного разведчика, время от времени появлявшегося перед ними на дистанции в метров двеститриста, а иногда и пятьсот и дающего знать, что впереди все чисто. Оливер погрузился в размышления о том, во что его втянул старик.

«Солдаты-телепаты, способные брать под контроль сознание противника. Твоюто, Олли, твоюто! Во что ты ввязался на этот раз?» – говорил ему его внутренний голос.

«Они не справятся без меня, – парировал Оливер самому себе. – Я нужен сопротивлению как никогда».

«И что? Других кандидатов не нашлось на роль самоубийцы? Ты вряд ли выйдешь целым из этой мясорубки, старик», – продолжал наседать голос, но Оливер только отмахнулся от этих раздумий и продолжил шагать.

Когда совсем стемнело, а луну затянуло облаками, все четверо расположились на ночлег в небольшой лесополосе. Джо достал из своего рюкзака термоодеяло для парня, а мужчины просто легли на землю. Броня отлично держала тепло или поглощала его излишки, заряжая аккумуляторы. Все трое по совету Мэтта перевели бронекостюмы в режим пассивного жизнеобеспечения.

– Я первый подежурю, – вызвался Мэтт, – все равно не спится. Потом Джо, а ты, Оливер, последний. Пацану дадим поспать нормально, он двойной путь нарезает.

Не услышав возражений, старый командир поднялся на ноги и отправился к опушке, пока остальные устраивались поудобнее.

– Эй, малыш Джон, – обратился к пареньку Оливер, – возьми рюкзак старика, будет что под голову положить.

Он еще с минуту понаблюдал за парнем, пока тот укладывался спать. Оливеру показалось, что юноша отключился еще до того, как его голова коснулась рюкзака Мэтта. Когдато и он, Оливер, засыпал так же. Крепко и без сновидений.

– Убегался пацан, – сказал очевидное Сиплый Джо. – Но ничего, дам ему отгулов, как вернемся, да денег. Пусть девок сходит потискает.

– Смотри, еще нос отвалится у твоего бегунка, – сказал Оливер, причем вполне серьезно.

– Да не, я же его не к шлюхам отправлю. Есть у нас на пищеблоке да в медпункте девушки нормальные, – ответил Джо. – То дочери бойцов работают на бригаду да живут на довольствие отцов, то так прибились сами по себе, но собой торговать не приходится. Купит им пацан безделушку какую или вина домашнего у поварих, а дальше уже какнибудь сам, – правая рука Томми лег, положил голову на свой рюкзак и устало вытянул ноги. – Вроде даже любовь там с кемто крутит, но я в это особо не лезу.

Оливер ничего ему не ответил.

– Сам знаю, что неправильно это, – продолжил Джо. – Жизнь в Гетто, все эти рейды да облавы, но что ты ему объяснишь, молодой еще.

– Да ты как отец говоришь прям, – усмехнулся Оливер.

– А что? Я его совсем мелким подобрал, лет десять было. Грязный весь, злой, как тот черт, ейбогу! – ответил Джо. – Но ловкий и юркий был до жути. Он всегда такой щуплый был, может это и спасало его, ноги его быстрые. Я его отмыл, покормил, предложил бегунком у меня быть. Ну а емуто что, в десятито лет? Главное, чтобы кормили. Вот, живой остался, вырос. Да и с головой дружит.

Оливер внимательно смотрел на обычно молчаливого и сухого Джо, который внезапно так разоткровенничался. Мужчина и вправду считал своего мелкого тезку сыном, только никому в этом не признавался, даже, возможно, самому себе.

– Что, планы на пацана есть? – спросил он у Джо.

– А почему бы и нет? Бычьей силы как у Томми ему не видать, поэтому башка с малых лет и варит нормально. Если выживет в ближайшие лет пятьшесть, буду у Томми за него просить в наш штаб взять хоть помощником каким, а там и до руководящего поста недалеко, – Джо поерзал на земле, устраиваясь поудобнее. – А пока в разведку ходит иногда да на КПП сидит время от времени.

– Ясно, – ответил Оливер.

Он тоже улегся, положив рюкзак под голову, и уже через десять минут крепко спал.

Сиплый Джо растолкал его засветло. Просыпаться было тяжело, но Оливер принял караул и двинулся к опушке сторожить покой своих товарищей. Ближе к рассвету он достал четыре пайка, разбудил спутников и, не дожидаясь, пока они поднимутся, принялся за еду. Затолкав в рот остаток плитки черного шоколада и запив его водой, Оливер направился в кусты по самому важному из возможных дел и, возможно, самому сложному в нынешнем походе – справиться нужду.

Отключив броню, он стащил эластичный костюм до колен и присел под кустом. За неполные сутки Оливер настолько привык к броне, что сейчас ему казалось, будто с него сняли кожу. Хотя он и потел, изнутри броня была абсолютно сухая, но неприятный запах оставался. Как только они дойдут до Гошен Бранч, всем троим надо будет ополоснуться в реке, не хватало подхватить еще какую инфекцию.

Подтерев зад парой листьев лопуха, он обратно натянул и включил костюм. С облегчением почувствовав, как броня по последней калибровке уже привычно облегает тело, Оливер двинулся к месту стоянки. Там его ждал только Джонмладший, как про себя окрестил парня Оливер после вечернего разговора с Джо. Мужчины же после еды тоже удалились в лес, видимо, с теми же намерениями, что и Оливер. В это время парень аккуратно ножом выкапы-

вал небольшую ямку, чтобы похоронить в ней упаковки изпод сухого пайка – скрыть следы их пребывания. «И вправду голова варит», – подумал Оливер.

Спустя минут десять ожидания мужчины вернулись, и все четверо продолжили свой путь: Джон впереди всех, на удалении в метров пятьсот семьсот, изредка появляясь в прямой видимости и давая знать, что все чисто, а за ним следом, гуськом, Джо, Мэтт и замыкающий их маленькую колонну Оливер.

Ближе к полудню Мэтт решил устроить привал. Они остановились за небольшой насыпью возле просеки, скрывающей их от любопытных глаз. Джо отправил парня осмотреться, но не слишком далеко, и быстро назад. На отдых было выделено около часа.

– Как броня? – спросил старик.

– Неплохо.

– Можешь увеличить уровень поддержки, сейчас жарко, костюму хватает энергии без высадки аккумуляторов, а рюкзак и ствол вообще чувствовать перестанешь.

– Окей.

Оливер положил карабин себе на колени и сел под деревом. Можно и прикорнуть минут двадцать по старой бойцовой привычке, ведь солдат спит всегда, когда может. Из полудремы его вырвал шепот Джо:

– Эй. У нас проблемы.

– Что такое? – тихо спросил Оливер.

– Джонни не вернулся.

Дрему как рукой сняло. Оливер быстро встал на ноги и подошел к Мэтту, высматривающему в это время что-то за насыпью. По просеке шло двое бойцов в такой же, как у них, серой броне.

– Твою мать! – просипел подошедший к ним Джо. – Откуда?!

– Откуда – не важно, важно то, что они идут сюда, и я уверен, что насыпь они проверят, – ответил Мэтт.

– Что будем делать?

– Они в броне, – заметил Оливер.

– Сам вижу, – огрызнулся Джо.

– Так, – по голосу Мэтта было слышно, что он полностью принял командование на себя, – у кого что есть, о чем я не в курсе?

– У меня в рюкзаке лежит глок и, может, глушитель, – ответил Джо.

– Мужик, ты куда вообще шел?! – спросил Оливер.

– Разные дела делаются в Гетто, Стальной, разные, – нехотя ответил на вопрос Джо. –

Поэтому этот малыш всегда со мной.

– Ладно, – Мэтт о чем-то усиленно думал, глядя на Оливера.

– Еще кусок пластида... – продолжил Джо.

Оливеру на это сказать было уже совсем нечего.

– Предлагаешь подорвать их? – спросил Оливер. – Я не вижу другого варианта вскрыть их броню. Тем более они в шлемах в отличие от нас... А может, гранаты?

– Не пойдет, – перебил его Мэтт. – Много шума.

– А что тогда? – спросил Оливер.

– Джо, доставай и пистолет, и взрывчатку, – сказал Мэтт. – А ты, Оливер, слушай сюда.

Двое бойцов из столичного гарнизона двигались к насыпи у края просеки. Не дойдя до нее десяти метров, они услышали в кустах слева от себя какой-то шум, но тут изза насыпи появился мужчина. Он держал руки над головой, крепко сжимая кулаки, и сказал:

– Эй, парни, спокойнее, свои.

На нем и вправду была активированная армейская броня, и бойцы слегка опустили уже поднятые было стволы карабинов.

– Эй, ты кто такой? Из какого подразделения? – спросил старший в паре.

– Да я свой, мужики, вы это, не стреляйте только, – пришелец спускался по насыпи и направлялся к ним, дистанция сократилась до метров семи.

Двое переглянулись и молча направили оружие на Оливера.

– Стоять там, сами разберемся.

– Мужики, ну вы че, отошел пострять, отбился от своих, – продолжал заговаривать зубы солдатам Оливер, медленно подходя все ближе и при этом не опуская руки. – Меня от этих сухпайков аж на изнанку выворачивает, думал, кишки высру, ейбогу.

Пять метров. Сделав последний шаг, Оливер разжал левый кулак, снимая пальцы с рычага задержки. На солнце блеснул цилиндр ЭМИгранаты. Спустя мгновение мониторы всех трех костюмов замерцали и потухли. Оливер почувствовал, как броня, еще минуту назад плотно облегавшая все его тело, начала сползать с плеч. Не теряя ни секунды, он забросил правую руку за спину и ухватился за рукоять пистолета, приклеенного на аккумуляторный блок пластидом. Оливер отчего-то боялся, что изза действия ЭМИгранаты взрывчатка может и рвануть, но, по всей видимости, ему не суждено было умереть настолько глупой смертью.

Рванув пистолет, он, почти не целясь, всадил две пули в грудь ближайшего солдата. Тот захрипел и начал оседать на землю. Пока его напарник пытался понять, что происходит, и поднимал свой карабин, Оливер перевел пистолет на него. Солдат успел нажать на курок первым. Ничего не произошло. Импульс гранаты перегрузил всю электронику в радиусе шести метров, в том числе и блок управления винтовкой.

Оливер недобро улыбнулся и тоже нажал на курок, ожидая услышать третий тихий хлопок, который разрешит эту ситуацию, но вместо пули в грудь солдата древний глок сумел выдать только щелчок.

Осечка.

Дистанция между ними была угрожающе мала, и, приняв одинаковое решение, оба схватились за ножи. Не давая противнику времени, боец выхватил свой клинок первым, пока Оливер отбрасывал ставший бесполезным пистолет, и бросился вперед. В отличие от солдата Оливер прекрасно понимал, что именно произошло. Быстро двигаться в отключенной броне – то еще приключение. Вопреки ожиданиям Стального Генерала боец не запнулся и в один прыжок добрался до него, чуть не насадив на шестидюймовое лезвие. В ответ Оливер пнул его ногой в живот и вложил весь свой вес в удар левой рукой.

И на этот раз удача улыбнулась ему. Удар пришелся в незащищенную шлемом челюсть, солдат потерял равновесие и упал на землю. Выхватив из закрепленных на бедре ножен клинок, Оливер навалился на солдата, стараясь как можно быстрее закончить бой. По словам Мэтта, у него не более десятипятнадцати секунд до включения брони, и за это время он должен успеть расправиться с противником, иначе у них будут серьезные проблемы.

Отпустив свой нож, солдат схватился за руки наседающего на него Оливера, стараясь удержать клинок подальше. Видимо, он тоже понял, что произошло, и старался выиграть время, дотянуть до перезагрузки контроллера брони. Уперев локоть правой руки, в которой Оливер держал нож, в противника и переведя на нее весь свой вес, он замахнулся кулаком левой и с силой ударил, но не по голове солдата, а по навершию рукояти ножа. Лезвие вошло в грудь практически полностью. Выдернув клинок, Оливер ударил своего противника еще несколько раз. После того как все было кончено, броня Оливера и солдата перезагрузилась. Пробитые лезвием ножа места костюма затянулись, но это уже было не важно. Оливер успел покончить с противником.

Вытерев кровь солдата какойто тряпкой, которую бросил ему Сиплый Джо, Оливер двинулся следом за товарищами туда, откуда пришли военные. Дойдя до небольшого поворота, все трое увидели лежащее в траве тело. Первым к нему бросился Джо, бросив на землю винтовку и рюкзак.

– Джонни! Джонни! – его голос дрожал. – Парень! Как ты?!

Для Мэтта и Оливера все было ясно, но Джо не терял надежды. Только подбежав к телу вплотную, он тоже понял, что все кончено. Парень лежал в луже крови, медленно вытекающей из перерезанного горла. По всей видимости, юноша расслабился и нос к носу столкнулся за поворотом с солдатами, за что и поплатился жизнью.

– Мальчик мой...

Оливер видел, как, казалось, в одно мгновение постарел Джо, который молча упал рядом с телом на колени.

– Надо было его на КПП оставить... – прошептал Джо и затих.

Спустя минуту молчание нарушил Мэтт:

– Джо... – старик сделал паузу, подбирая слова. – Это война, Джо. Но благодаря Джонни мы сможем жить дальше.

– Это неправильно, командир Мэтью, он совсем пацан.

– Я знаю, – ответил ему старик. – Но давай уберем его с дороги. Вставай, Джо, – Мэтт подошел к убитому горем мужчине и поднял его на ноги, придерживая за руку. – Нам надо идти. Мы не можем задерживаться, теперь они знают, что мы гдето здесь.

Глава 6

Деймос брился. Пока его вечный спутник ерничал за дверью, он думал, как теперь себя вести. Место, в которое, как показалось Деймосу, угодила пуля, выпущенная трупом из воображаемого пистолета, весьма реально ныло. «Это просто проделки моего сознания, – подумал он. – Я справлюсь с этим дерьмом, я в этом уверен».

Во время бритья он услышал стук в дверь ванной комнаты.

– Любовь моя, открой мне! – это был труп.

– Нет.

– Ну, мы же оба знаем, что я могу просто материализоваться рядом с тобой, – продолжил покойник, – но боязно мне, что ты себе ненароком горло бритвой перережешь.

Деймос тяжело вздохнул и подошел открыть дверь. Прямо за ней, выпучив глаза и надув щеки, стоял плод его воспаленного (в этом он уже не сомневался) сознания.

– Умница моя, моя принцесска. Хочешь, за ушком почешу? – труп попытался изобразить умиление, но на обожженном лице это было больше похоже на злобную гримасу. – Ну, давай! Я вижу, что ты уже смирился и начинаешь выполнять мои команды, – он ввалился в ванную и уселся на опущенную крышку унитаза. – Глядишь, человека из тебя сделаю.

– Заткнись, – Деймос вернулся к прерванному бритью. – А лучше исчезни.

– Много хочешь, – оскалился в ответ труп. – Мы же сейчас к милашке Анне идем в гости? Я такое просто не смею пропустить!

– Не мог бы ты хотя бы в присутствии других людей не показываться на глаза? – спросил Деймос.

– Щас.

Деймос ожидал услышать подобный ответ. Он мог бы поспорить, по сути с самим собой, о том, как части его сознания стоит себя вести, но времени оставалось катастрофически мало – уже через десять минут его ждала доктор Прайс. Быстро одевшись, он вышел в коридор жилого блока. Тут было пусто. Уровень, на котором Деймосу выделили комнату, был целиком отдан под проживание участников проекта. Он все еще толком ни с кем не познакомился и даже не знал, кто живет за стенкой, а о расположении комнат сестер только догадывался: они, судя по всему, квартировались где-то в другом крыле, потому что в коридоре он с ними не сталкивался, только у лифтов.

Бодрой, торопливой походкой Деймос направился к этим самым лифтам. Труп следовал за ним, иногда обгоняя, приплясывая на ходу, но чаще держась немного позади.

– Хочешь, песню спою? – спросил он Деймоса уже, наверное, в пятый раз за пару минут.

«Вселенная, дай мне сил пережить это все», – подумал Деймос. Говорить с самим собой было бы как минимум подозрительно для любого вышедшего из многочисленных дверей по обе стороны коридора. «Главное – держать себя в руках во время беседы с Анной. Помни, Деймос: молчание – золото!»

– Ты скучный, принцесса, – в голосе трупа слышалась поддельная обида, – песнято хорошая.

«Да хоть лучшая из написанных, мне все равно, только заткнись», – подумал в ответ Деймос. Это было удобно. Он не сразу понял, что скрыть от самого себя мысли невозможно, но теперь использовал это для того, чтобы не показывать на людях, насколько сильно у него поехала крыша.

– Ну и ладно, – подозрительно легко согласилась галлюцинация, – давай тогда поговорим о том, как ты до такой жизни докатился и с кем дело имеешь в этом подвале, – труп остановился вместе с Деймосом у лифтов и оперся плечом на стену. – Надеюсь, ты понимаешь, что друзей у тебя тут нет, да, принцесса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.